

Максим Кабацкий

**Неизвестная
история**

Максим Сергеевич Кабацкий

Неизвестная история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23462115

ISBN 9785448392306

Аннотация

Вам предлагается познакомиться с журналистом, живущим в Англии XIX века, узнавшем о неожиданном для истории человечества открытии – римском храме, построенном на задворках цивилизации, крайнем севере Шотландии – на Оркнейских островах. Узнав об этом и желая написать сенсационную новость, вырваться из повседневной рутины, герой отправляется в долгий путь, который окажется для него путём длиною в жизнь. Путешествие скоро начнётся – хотите ли Вы узнать древние тайны, так хорошо скрываемые от нас?

Содержание

Часть I: Предыстория	5
Глава I: Реальность	5
Глава II: Безумие	20
Часть II: История начинается	24
Глава III: Суета	24
Глава IV: Приготовления	36
Глава V: Поездка	55
Глава VI: Сон	92
Глава VII: Прибытие	100
Глава VIII: Джон О'Гроатс	108
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Неизвестная история

**Максим Сергеевич
Кабацкий**

© Максим Сергеевич Кабацкий, 2017

ISBN 978-5-4483-9230-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I: Предыстория

Глава I: Реальность

В каждой увлекательной истории есть свои особые черты. Так сказать, специфические свойства. Одни славятся своей неповторимостью и уникальностью, но которые хочется пережить повторно. О других же не хочется вспоминать и вовсе. Я не очень хочу распространяться об этой истории. По сути, я ей ни с кем никогда и не делился. Тем не менее, меня тяготит тяжесть и груз тех минувших дней.

Наша жизнь подобна некой невидимой цепочке, где каждое звено – новый и неповторимый шаг. Каждое звено порождает новое, в то время как новое звено – следующее. Если попытаться представить каждое из них, как некую фотокарточку из памяти, то можно рассмотреть множество приятных и не очень воспоминаний. Но, как и во всякой цепочке есть своё начало, так есть и свой конец. Я не думаю, что мой конец настал... сейчас. Но, я не могу и сказать, что новое звено цепочки куётся где-то в середине – скорее, это что-то около двух частей из трёх от её длины. Ну или может, чуточку меньше.

Я бы не назвал себя стариком, но сложно назвать меня и наивным юнцом. Хотя та история, которая имело место

быть некоторое время назад, даёт о себе знать и сейчас. Я очень редко её вспоминаю. Очень... Но наша память подобна некоторому сосуду – периодически он наполняется определённой субстанцией. И хоть эту субстанцию из него и выливают, некая часть вещества остаётся в виде осадков и капель, если, конечно, данный сосуд не промывают. То же, что произошло со мною, законсервировало это явление в моей памяти. Навсегда.

Мы очень редко задумываемся о простых вещах. Простые житейские радости. Ещё реже мы пытаемся их понять и осознать. Но некоторые вещи при всём желании нашего сознания, понять невозможно... Конечно, можно совершить несколько попыток, и даже не одну, но наше сознание не безгранично. Так мне казалось. Тогда. Сейчас же вещи стали несколько иными.

То, что происходит за гранью нашего рассудка, за гранью сознания – какова природа этого? Какие мысли способны подчинить нашу волю и разум, увлечь нашу душу на долгие годы странствий и бесконечных поисков? Ответ, пожалуй, неясен и до сих пор, если и будет когда-либо ясен роду человеческому...

Сейчас, сидя вечером в уютном кресле напротив камина, держа небольшой стакан шотландского торфяного, нередко ловишь себя на мысли: что же это – конец? Или только начало? Кто-то, может, скажет, что я сошёл с ума. Может, так тому и быть. Но всё ли постигается гранью разумного, или же

наш разум всё же безграничен? Какие вселенские масштабы могут его объять? Те воспоминания говорят о многом. Может, кто-то скажет, что я спившийся сумасшедший, сидящий со стаканом наперевес и пытающийся узреть непонятное. Но нет, к алкоголю я никогда практически не притрагивался. А если подобное и происходило, как например, сейчас, то это были единичные случаи. Единичные, но трезвые. Выпить сейчас, наверное, не помешало бы, но я к нему так и не посмел притронуться губами. Пить в одиночку – алкоголизм, хотя, может, мне бы это и не помешало, в свете всех этих событий. Потеря сознания, есть, пожалуй, самое страшное, что может пережить человеческий разум. Но те события... сейчас я думаю, что было бы гораздо проще напиться до безумия, чем вспоминать их. Но если бы, если бы...

Те истории, от которых у людей кровь стынет в жилах, могут быть в жизни любого из нас. Кто это? Может, Ваш сосед или друг? Напарник по бизнесу, или же взбредевший проходимец на безлюдной улице – тот самый, что бормочет непонятные фразы и брызжет слюной? А что, если это тот, на кого Вы подумаете меньше всего. Может быть, это есть... Вы? Вы сами?

Что Вы знаете о себе? О своём сознании, о своём рассудке, в конце концов, о себе? Не думаю, что Вы задавались подобными вопросами. И я... и я. До поры до времени.

Человеческая жизнь подобна муравью – мы бегаем все в работе, строим некий «муравейник», наше маленькое че-

ловеческое гнёздышко. Но рано или поздно на вас может наступить чья-то нога. Случайность? Может быть. Вполне вероятно. Но что если нет? Так же тогда думал я. Случайность, пустяки, стечение обстоятельств. Всё рано или поздно вернётся на круги своя. Ох, как же я тогда ошибался...

Поздний осенний дождливый вечер даёт о себе знать. Капли дождя стучат по окнам, вдали слышны раскаты грома... Размашистые вспышки, идущие от молнии, заставляют отражаться в окне различные силуэты из тьмы. А камин всё горит и греет. Его яркие тёплые тона согревают небольшую комнатку. Но моя душа холодна. Равно как и мой рассудок. Я надеюсь.

Дело было несколько лет назад, в небольшом городишке на севере Англии. Я тогда был молодым человеком, которого тяготила вся эта человеческая суета и рутина. Постоянная беготня и толкотня, грызня и волокита, где каждый выживал так, как мог. Времена такие? Нет, такие люди. Может, я бежал от всего этого. Не знаю. Может, я искал покоя и уединения. Возможно. Может, я искал нового и неизведанного? Жалею я сейчас об этом или нет, но я это нашёл.

Хоть тогда я и был юнцом, но мне удалось объездить этот свет – множество стран и городов лежали за моей спиной. Я искал покой. Я искал тишину. Приезжая на новое место, я устраивался на небольшую подработку. Как правило, это были либо местные газеты, которым требовался разносчик, либо некие курьерские службы. Как и в первом, так и во вто-

ром случаях, мне придавала бодрости моя страсть к путешествиям. Я не желал задерживаться на одном месте. Столько мест я хотел посетить, столько стран я хотел посмотреть...

Тогда мне казалось, что весь мир перед моими ногами. Я волен идти куда хочу. Я могу идти свободно. Сейчас же, я понимаю, каким наивным слепцом я был. Можно обойти хоть всю планету, но не найти искомого. Думать, что посетил весь мир, а побывать лишь в его малой части. Песчинке. Маленькой крупинке.

Работать мне приходилось рано, на рассвете. С первыми лучами солнца я брал желанную посылку или кипу газет, и доставлял их. Работа была непыльная, но и платили не много. Но меня никогда и не привлекали деньги. От денег идёт некая стабильность, устойчивость. Был ли я стабилен тогда? Финансово – нет. Но я был стабилен только в одном – в своей тяге к приключениям. К страсти неизведанного.

Что мы знаем о нашей планете, о Земле? На карте полно стран. Но что такое страна? Кусочек социума на суше. Ну, иногда, и с включением воды. Мы думаем, что знаем всю сушу. Равно, как и все воды. Ох, какие мы наивные дураки! Человечество всерьёз полагает, что знает всю планету! Ох, сколько же закоулков хранят свои тайны... свои секреты.

Хоть я особо и не привыкал к странам и к их традициям, культуре, мне легко давалась их словесность. Может быть, это генетика, ведь мой далёкий прапрадед был лингвистом. Вполне вероятно. Ему приходилось работать с древни-

ми текстами, написанными, в основном, на латыни. Может быть, это моя работа – разговаривать периодически приходилось, но ещё больше приходилось слушать.

Человеческий слух подобен губке – он впитывает каждый звук, каждое слово.

В одной стране мне волею судьбы попались соотечественники – они держали маленькую газету, выпуская новости для нашей диаспоры. Придя поработать курьером, я взял на себя смелость взять роль журналиста. Нет, не того самого, который ходит и достает всех неудобными вопросами, нет. Мне предложили писать мелкие заметки для новостной газеты.

Буквы. Умение складывать буквы в слова. Красивые слова. Умение составлять из красивых слов предложения. Разумные предложения. Умение распределять предложения так, чтобы получать мудрые тексты. Это мастерство ценилось во все времена. Был ли я талантливым писателем? Пожалуй, другие скажут что да. Я же не знаю. Честно. Я бы хотел ответить на этот вопрос, чтобы покончить со всем этим, но, то ли мне не хватает силы взглянуть правде в лицо, то ли наоборот, я боюсь спешить с выводами. Но, поверим им – людям.

Верить людям – пожалуй, самое опасное, что можно делать в наше время. Жизнь такова? Нет – таковы люди. Ох, сколько бед на этом свете происходит по вине людей...

Но тогда я не был ни писателем, ни автором – я был обычным «журналистом». Условно говоря. Почему я остался?

Почему я согласился? Набил оскомину? Да нет. Обошёл ли я все? Да нет. Много мест оставалось, куда можно было пойти. Но можно ли обойти всю Землю, оставаясь только на суше? Нет. Есть ещё и острова – там тоже суша. И это не самое ужасное – есть ещё и сама вода, скрывающая свои тайны...

«...Вчера в Проливе далеко от берега пропало рыболовное судно. Команда никак не выходила на связь и не подавала никаких признаков бедствия. Поговаривают, корабль ушёл в последний рейд и не вернулся. Конечно, погода была не самая лучшая, но капитан настоял на выходе в море. Говорят, фирма „Дулье и сыновья“ переживает сейчас не самые лучшие времена – каждый день аренды судов приносит колоссальные убытки. Сейчас не самый удачный рыболовный сезон. Будем надеяться, что судно просто сбилось с курса и скоро вернётся на берег...».

Человеческие массы любят придумывать себе различные оправдания и сказки. Про страшных дьяволов во плоти и нечеловеческие силы. И что самое интересное – охотно верят в них на всём серьёзе. Эх, Викторианская эпоха, сколько историй ты породила...

Наш разум создаёт себе иллюзию, придумывает различные формы реальности. Но реальность ли определяет разум, или разум – реальность?

Конечно, эта новость, которую я опубликовал тогда по просьбе владельца газеты, меня никак не всколыхнула. Но в простом людe ходят странные байки – говорят, мол,

это не первое, и даже не второе пропавшее рыболовное судно. Да. Третье. И всё это за этот квартал. Меня это особо и не волновало, учитывая даже то, что я копил средства для того, чтобы потом самому отправиться на Остров. Наверное, мне следовало быть осмотрительнее...

Юношеский максимализм... ох, как много в этой фразе! И эмоции, и настрой! Сколько жизней он погубил?

Время шло. Газета, как ни странно, со временем становилась всё популярнее. Моя ли это заслуга? Да нет. Возможно, сказался рост миграции в эту республиканскую страну. Наивный люд, оказывается, способен на многое. Как, например, и здесь – оказалось, что моряки не особо то и рвутся плыть. Погода туманная, порой дождливая. Шторма нет, но море беспокойно. Мне не пришлось тратить деньги на транспорт, нет, но я даже смог заработать на этом. Конечно же, я нанялся юнгой на бриг, идущий на Остров. Если я ничего не путаю, он, как раз, занимался экспортом этого самого напитка.

Нет, я не пью. стакан уже давно стоит на газетном столике, мой же взор обращён на камин. Огонь... и вода. Две стихии. Совершенно разные, но такие близкие и похожие. Одно без другого существовать не может.

И вот, я уже забираюсь на корабль. Какие мысли у меня тогда были? Я не знаю. Волновало, заботило меня что-либо? Сомневаюсь. Были ли у меня некоторые сомнения? Нет. Плохое предчувствие, страх? Нет уж, увольте. Я просто шёл.

Шёл туда, куда должен был идти.

Тяга к неизведанному, непознанному, новому... эх, сколько странностей мы можем обнаружить в поведении обычного человека. Казалось бы, всё есть, всё понятно, всё изучено, зачем ворошить глубины неизведанного мрака? Но нет, человеческий разум пытлив, и он не терпит неизвестности, хотя у многих и пребывает в состоянии неопределённости. К чему стремиться, куда идти? Идти надо вперед! Ни шагу назад!

Поднявшись на корабль, пожалуй, единственное, что хоть как-то приковало мой пытливый ум, так это – то особое состояние, атмосфера, царившая на нём. Дождь всё усиливался, но надо было отплывать. Впереди меня ждало новое и неизведанное...

Человек пытлив, человек упрям. Он будет биться в закрытую дверь, пытаться проникнуть за её оковы, хотя там может быть то, что изменит его жизнь навсегда. Кто-то не решается на такое – не позволяет его неопределённость. Кто-то же, наоборот, даже и не осознаёт того, что творит. Ему интересен процесс. Ему важен результат.

Где был я? К чему ближе я был? К неопределённости и отрешённости, или же к упёртости и конкретике? Бог судья, я не могу ответить на это. Не потому, что не хочу, но только лишь потому, что сам не знаю. Разум человека есть такая загадка, которую невозможно осознать, не уходя в себя. Полный и исчерпывающий ответ, пожалуй, требует полного ухо-

да...

Движение корабля по Проливу можно было сравнить с полётом вольной птицы в небе. Ты волен плыть куда хочешь, в любую сторону. Где-то, пожалуй, можно и приземлиться. Но стоит ли? Стоит ли этого того?

Не все наши поступки приводят к той реакции, которую от них ожидаешь. Не все наши слова ведут к тому восприятию, которого от них ждёшь. Не все наши шаги приводят нас к искомому месту. Но я, кажется, нашёл своё.

Корабль шёл по морю как горячий клинок по свежему маслу. Дорога была на удивление спокойной и не предвещающей беды. Это умиротворяло. Но мог ли я тогда подумать, хоть на секунду, усомниться в этом?! Что было впереди, куда я шёл?! Эх, если бы я тогда знал, если бы я знал...

Может, зная сейчас, я бы тогда и прыгнул бы с корабля и поплыл бы назад. Доплыл бы – нет проблем. Сгинул бы в бездне морской – так и вовсе.

Наше сознание, его восприятие действительности, оно явно тяготит груз нашего бытия. Сколько сейчас наивных глупцов пребывают в состоянии неизведанности, состоянии блаженства? Отрешённость и блаженство. Они прожигают свою жизнь бесследно, ничего не делая и не создавая. Напрасно! Но, они – счастливы. Искренне счастливы. Чем больше понимаешь и осознаёшь, тем более несчастным ты делаешься, ведь ты узнаёшь Правду. А Правда, как мы знаем, не всегда радостна. Или быть слепцом в розовых очках, или мудрецом,

видящим всё как есть – вот тяжёлый выбор, который делает каждый из нас. Все страдания безмерны, все пути бесконечны...

Корабль всё плыл и плыл, а я всё думал и думал. Простые работы на бриге хоть и забирали все мои силы, разум же мой был силён как никогда. Мысли. Рассуждения. Переживания. Надежды? Желания? Устремления?

Темнело. Наступала кромешная ночь. Подобно могущественному императору, луна взошла на небо, как на престол. Полнолуние... сколько эпитетов и характеристик даны этому явлению. Кто-то говорит про оборотней и вампиров, что довольно уныло и тривиально, кто-то же верит в некие, так называемые «сверхъестественные силы». Глупцы. Они на самом деле думают, что они «сверхъестественны». Дураки. В этом мире нет ничего, что не поддавалось бы простому анализу!

Моя импульсивность в рассуждениях тогда напоминает мне о моей молодости. Юношеский максимализм... сколько же упёртым людям ты запудрил голову?!

Сейчас, наблюдая за ливнем через окно, за маленькими и не очень каплями, сползающими по стеклу, я понимаю, каким же глупым я был тогда. Но поумнел ли я сейчас? Стал ли хоть на чуточку просветлённее? Не мне меня судить, не мне меня учить...

И всё же, меня несколько забавляют эти слова. Сверхъестественные силы, сверхъестественное... и самое забавное,

что слепцы даже и не догадываются о том, что всё это уместно встроено в картину мира. Что это не сверхъестественное, а некая тяжело объяснимая, но хорошо скрываемая действительность. Нет никакого сверхъестественного – это всё объективная данность. Реальность.

Реальность определяет разум, или же разум определяет реальность? Его необозримые просторы поражают, и способны увлечь пытливого мыслителя. Порою, теряется грань между реальным и безумным. В буквальном смысле. В те дни, что мне пришлось пережить, эта грань не просто потерялась – она растворилась. Для всех ли, или да меня? Неизвестно. Боюсь, что только для меня. И эта грань не найдена до сих пор...

Время подобно неким крупинкам, которые расчётливо просачиваются сквозь невидимый сосуд. Не зря придумали песчаные часы – они отчётливо демонстрируют этот принцип. Но время, равномерно ли оно или нет? Есть ли в нём изъяны? Что, если взять одну или несколько крупинок и убрать их из этих невидимых вселенских часов? Подобная манипуляция с обычными часами приведёт к рассинхронизации времени – за минуту просыплется песчинок, скажем, на пятьдесят девять секунд. Мелочь? Да. А если эти часы использовать достаточно долго, сколько времени потеряется? Много. Очень много...

Мы каждый день теряем время. Суматоха и бытовая рутина, бессмысленные и никому ненужные занятия. Пустая тра-

та времени. Но как же законы сохранения? Раз где-то что-то теряется, значит, где-то что-то прирастает, верно? Ох, и эти археологи рассказывают нам, что первые цивилизации появились лишь несколько тысячелетий до нашей эры. Профаны! Тысячелетия, в сравнении с миллиардами лет, подобны тем самым ничтожным песчинкам, коими и являются...

Светлело. Морской рассвет скромно пробивался сквозь тёмные тучи. Спал ли я эту ночь? Порой, я начинаю замечать, что сон – это лишь фикция. Что происходит с нами во сне? Иногда мы лежим, словно брёвна, ничего не ведая. Иногда же, с нами происходят поистине уникальные вещи...

Путешествие за грань сознания. Бесконечный полёт, открывающий потаённые уголки нашего разума. Что только нам не взбредится и не приснится...

Я люблю сны. Они наполняют мозг пищей для размышлений. Нося посылки и попутно наблюдая за городской суетой, я очень часто любил поразмышлять над приснившимся. Это давало мне сил. И отвлекало от людской, мирской суеты.

Я всегда хорошо запоминал сны. Я помню все самые интересные моменты сновидений. И я помню одно – в ту ночь я действительно спал. Но спал я лишь условно – был сон. То, что мне снилось, пожалуй, я не буду рассказывать, дабы не травмировать психику моего мысленного собеседника. Это был настоящий кошмар.

У всех людей есть свои страхи. Одни боятся высоты, одни пауков. Третьи, и вовсе, всего подряд. Но что же такое

страх? Защитная реакция? Предупреждение? Предупреждение, выраженное в форме защитной реакции? Некие шарлатаны придумали даже интересное слово, чтобы описать это – «фобии». Фобии, видите ли – боязни, навязчивые и, якобы, неестественные проявления страха. Часто мы можем видеть, как кто-то кричит, что он боится, например, крыс. Крыса – живой организм, естественное мирское явление. Высота? Аналогично. И внутренняя реакция на них может быть довольно разной. Но это естественно. Все мы говорим про страхи. Но то ли это, что мы называем страхом?

Я помню, чем был этот сон – неограниченным, абсолютным страхом. Паника и суета здесь и близко не стояли. Но я не боялся. Почему? Вспоминая сейчас, я понимаю, что со мною творится что-то весьма печальное.

Нет никакого желания вспоминать, нет никакого желания обсуждать... но то, что я видел, оно за гранью нашего сознания. Расскажи бы его кому-нибудь тогда, да и в принципе сейчас, я бы точно оказался в клинике для умалишённых.

Я видел образы. Я видел свет. Свет из Бездны. Я видел древние цивилизации, неизведанные и невиданные ранее образы. Я видел Это. Это звало меня. Это жаждало меня. Это поглощало меня. Пожалуй, Это нашло меня...

***Nec adhuc oculis absistit imago...*¹**

Нет, ни слова больше! Этот сон должен остаться тайной! Никто не должен знать его! Никто!

¹ *лат.* Этот образ до сих пор стоит перед глазами...

Даже я. Но я... знаю его?! Почему? Откуда? Сейчас я понимаю весь ужас сложившейся ситуации. Но понимал ли я это тогда? Будь я тогда хоть чуточку дальновиднее, пошёл бы и лёг в клинику сам – так было бы легче.

Сознание вышло за рамки реальности. Реальность в прежнем виде исчезла. Навсегда.

Глава II: Безумие

Человечество суется. Хаотичны движения людей – очень часто они наполнены простым бытовым смыслом. Иногда, довольно часто, они и вовсе лишены смысла. Не найти сейчас тех, кто бы сидел на одном месте. Как и в фигуральном, так и прямом смысле. Ритм жизни задаёт окружение. Человеческое окружение...

Но пока идёт всё это движение, этот хаос и суматоха, всё ли не стоит на месте? Если движение – это хаос, то порядок есть покой? Люди наивно полагают, что всё, что движется – живёт. А раз так, то, полагается, что всё, что не движется – мертво. Очередная логическая ошибка? И да, и нет. Многие люди так и думают, мысля полярной логикой. Но из первого не следует второе...

Говорят, древние цивилизации умерли навсегда... От Карфагена осталось лишь несколько колонн да арок, пирамиды символизируют Египет... Но разве это древние цивилизации?! Ох, это такие же юнцы, каким был я в ту свою молодость. Те же амбициозность, максимализм и страдания, что их собственно и погубили. Мудрые цивилизации не умирают – они лишь временно растворяются в небытие...

Иногда мы думаем, что живём. Находимся в сознании, действуем. Иногда, это кажется забавным. А иногда изматывает. Тогда, получается, кто не мыслит, тот не живёт?

Но коллективный разум никто не отменял, ведь так? Пока одни ходят в суете и мирских делах не думая, другие спят и строят новые амбициозные планы на будущее...

Спящий пробудился. Нет, я не про Это. Это всё ещё ждёт своего часа, своего времени...

Когда я проснулся, меня не особо удручал тот сон, хотя он отложил некий отпечаток на мою память. Я его запомнил. Хоть и не придал ему особого значения. Корабль уже заходил в порт. Мы успешно пересекли Пролив. Успешно, но не для меня...

Скитания. Страдания. Поиски. Каждый день мы что-то делаем и что-то ищем. Надежда? Совет? Бегство? Сложно сказать. Всё довольно индивидуально. Но одно я знаю точно – невозможно ни скитаться, ни искать, ни даже и страдать в пустоте.

Пустота. Она обволакивает нас и пожирает изнутри. Каждого. Каждого? Хуже пустоты в тебе может быть только то, когда ты сам – пустота.

Сойдя на берег, я долго бродил по этим землям, местным городам и сёлам. Суета не смолкала и здесь. Может, она даже была и в разы больше. Шли дни, шли месяца. Я остепенился...

Нет, меня не тянуло больше бродить как одинокий странник по миру. Я понял. Я осознал. Нельзя обойти всё, ограничиваясь лишь кучками скопления людей. Но суета продолжала тяготить меня. Надо действовать. Надо что-то менять.

Возможно, я стал мудрее. Повзрослел. Возможно и наоборот, поглупел. Постарел. Я этого вам не могу сказать. Никто не может сказать...

Но факт остаётся фактом – я понял, что такими темпами это ничего не даст. Меня отпустило. Я остановился. За моими плечами ни один год странствий. Остановился я в одном интересном городишке на туманном Альбионе. Нет, это не тот город, где всё началось, и где всё закончилось... нет. Это был шумный и знойный городок, где я решил осесть. Опять же, повезло, что подвернулись соотечественники – ох, где только нет наших людей! Они, словно кровь по венам, разошлись по всему миру. Людскому миру...

Что такое наша история? Цикличность, цикличность, цикличность и ещё раз – цикличность! Ничего не меняется – всё остаётся. История имеет свойство повторяться. И некоторые глупцы утверждают, что история не терпит сослагательного наклонения! Ох, сколько же в этом мире глупцов! Глупцы! Они поджидают нас на каждом шагу...

Моя история, похоже, начала повторяться. Снова соотечественники, снова работа в прессе. Но на этот раз, так сказать, с косметическими изменениями – газета была вполне «королевская», местная, но меня туда порекомендовали земляки. Мои странствия по миругодились мне – я писал про них и про то, что я видел – как жили люди, как они суетились...

Суета человека подобна хаотично летающему атому – никто не может предсказать, куда он побежит или полетит че-

рез секунду. Ну, или почти никто...

Время, движение, хаос – всё это то, что рождает Порядок. Да, Порядок вещей. Как всё устроено на самом деле. Пока одни предпочитают суетиться и бегать по бытовым делам, другие выжидают своего часа... Они неподвижны. Нет. Они не бегают сломя голову. Нет. Они ждут... Ждут своего времени, ждут своего часа. И они – те, кто породят Новый Порядок. Он придет скоро... Я чувствую это, я жду его...

Реальность человеческая... есть ли она та абсолютная реальность, которая есть на самом деле? Или же человеческая специфика откладывает на неё свои отпечатки и, тем самым, отвлекает и уводит сознание и разум от истины? Пожалуй, так оно и есть...

Это не в рамках человеческой реальности... Это не есть хаос... Это не суетится и не бегают... Это ждёт. Ждёт своего часа – часа, чтобы изменить всё. Вернуть потерянное, построить новое...

Это ждёт своего часа. Хаос и суета снова возвращаются, но Это продолжает ждать своего времени, своего Прихода...

Часть II: История начинается

Глава III: Суета

Шли года, шли месяца. То, от чего я бежал всю свою молодость, стало моим пристанищем в зрелости. Да, пожалуй, я повзрослел. После того, как я перебрался на Альбион и осел в шумном городишке, моя жизнь изменилась. Меня больше не тянуло что-то искать – я полностью погряз в людской суете.

Кто-то скажет, что моя прошлая жизнь – молодецкое желание всё увидеть, всё посмотреть. Кто-то назовёт это бегством от реальности, эскапизмом. Но, мне кажется, ошибутся и первые, и вторые. Хотя, сейчас, может, вторые и будут правы. Да, мне действительно хотелось обойти весь мир, всё увидеть. Но, когда я занимался этим, я о многом задумывался. О разных вещах. О мире. О времени. О движении. И меня тяготила та мысль, что всё не обойти. Нет, не в плане, что это невозможно – но элементарно, на это не хватит ни жизни мирской, ни средств. Да, я обошёл за десяток стран на своих двоих, плавание же было впервые. Может, мне просто повезло, что удалось устроиться на то судно – не думаю, что подобная возможность мне подвернулась бы сейчас. Или, всё-таки, это не везение, а злой рок судьбы...

Я стал более избирательным. То, что я видел – то, как живут мирской жизнью люди, она – везде одинакова. Не то, чтобы это слизано под копирку, есть, конечно, свои национальные и культурные особенности. Но по факту – это всё одно и то же. По возможности я старался изучать историю тех мест, где мне приходилось задерживаться. Но это была лишь малая песчинка с тем, что я искал...

Когда охотник идёт на охоту, он не стреляет в первого попавшегося оленя – он внимательно и тщательно присматривается к стаду, выбирая наиболее подходящего. Не стреляет он и всех подряд – остальные либо разбегутся, либо элементарно на них не хватит ни пороха, ни стрел. Кремнёвое охотничье ружьё долго перезаряжается, да и точность оставляет желать лучшего. Уверен, может найтись энтузиаст-максималист, который смело заявит, что перестреляет подчистую всё стадо. Он будет кропотливо идти к этому, упорно и долго тренироваться. Но потом всё равно поймет, что это бесполезно.

Тоже случилось и со мною – я понял, что все страны не обойти. Нужно подходить более избирательно.

Также кремнёвые охотничьи ружья, нынче распространённые, имеют и проблемы с дальностью. Стоя на отшибе и наблюдая оленя можно хорошо его рассмотреть. Но если подойти поближе он может оказаться не таким красивым и здоровым, как казалось на первый взгляд. Также издали ка его и не подстрелишь – нужно подкрасться поближе, при

этом не спугнув его.

Снова всё та же картина и со мною – я понял, что мельком рассматривать страны и мир издали бесполезно. Вроде и страна интересная, и история у неё богатая, но приедешь посмотреть её воочию, поговоришь с местными жителями и понимаешь – нет того бывшего величия. Оно кануло – кануло в пучине веков и смутных времён...

Как и с оленем – издали он горд и силен, подойдёшь же к нему поближе – он окажется израненным и забитым. Такой олень хорошему охотнику не нужен. Такая страна мне не нужна.

Скажете жадность, высокомерие, надменность? Ах, ему такой олень не нужен, вот же он привереда! Нет – простой холодный расчёт. Изрезанную и изорванную шкуру задорого не продашь, а мясо больного и старого животного на вкус явно уступает плоти здорового молодца.

Со странами, как ни странно, картина и такова, но в то же время и отлична – чем богаче история страны, тем она интереснее и привлекательнее. Гораздо приятнее смотреть на старый полуразрушенный храм древней цивилизации, чем на новенькое, на ходу состряпанное здание. Здесь важна не помпезность – здесь важна история...

В чем двоякость, спросите Вы? Двоякость в дистанции...

Что с дистанцией? Почерк тот же. По книгам или зарисовкам историю не изучишь – надо ехать на место, разбираться во всём самому. Только так можно прочувствовать и понять

тот особый дух величественных творений минувших дней.

Посему я решил завязать с необдуманной ходьбой и осесть. Временно? Я не знаю. Бросить всё – всё то, во что я верил? Я не думаю. Сделать паузу, отдых? Возможно. С новым всплеском и активностью начать всё по-другому? Я полагаю. Или полностью поглотиться суетой? Я надеюсь – эх, как же я надеюсь, что нет...

Как я уже говорил, я обосновался в чудном и шумном английском городишке. Пришлось заниматься тем, что я умел – писать. Писать, писать и ещё раз – писать. Больше особо не приходилось ходить, правда, за исключением выездов на места, чтобы поговорить с очевидцами или важными людьми, взять интервью. Так сказать, *de visu et auditu*². Беспокоили по большому счёту всякой разной рутинной и несурразицей, одним словом, суетой – то например жалобы на лавочника-торговца, который вечно обвешивает покупателей, то на раззяву-почтальона, потерявшего корреспонденцию. Таких дел было большинство. С ними я в основном и возился. Остальное время я сидел в офисе и сопоставлял различные факты. В общем – рутина и суета. Смертная тоска.

Но были и довольно интересные случаи, которые встречаются весьма редко. Такие дела пробуждали у меня чувство заинтересованности и, порой, полностью поглощали меня с головой. Ими я и жил. Ими я и отдыхал. Может, отдыхал не физически, поскольку довольно часто приходилось тас-

² *лат.* Глазами очевидца и слухом собеседника

каться по всему городу, а то и вовсе, ехать в другой город – иногда даже и в другие страны. Но отдыхал интеллектуально – эта постоянная тяга к неизведанному всегда была моей стихией. Я не мог долго сидеть на одном месте и заниматься рутинными, пусть и достаточно простыми делами. Довольно интереснее было брать уникальные, пусть и довольно сложные, запутанные дела. Это меня бодрило. А ходить... я к этому привык. Скорее, это хороший повод изучить обстановку на местах, узнать что-то новое. Хоть маленькую частичку. Хоть что-то...

Шли года, шли месяца... Рутинны и суеты было довольно много, интересное попадалось весьма редко. Я уже начал забывать, когда попадалось нечто эдакое. Если моя память мне не изменяет (а она мне никогда не изменяет), это было около года назад. Мне пришлось ехать на Север, на землю пиктов. Нужно было сделать репортаж о довольно интересном месте, исторической достопримечательности. Если быть точнее – о недавно обнаруженном здании, по предположению местных историков – бывшем римском храме. Или, по другой версии, местной администрации римлян. Меня слегка удивила такая постановка вопроса, когда я увидел отрывок из местной оркнейской газеты, где рассказывалось про находку. Насколько я знаю историю, территория пиктов никогда не входила в состав Римской Империи. Ещё перед отъездом меня это слегка озадачило и сбilo с толку. Выступал местный историк, как сейчас помню, преподаватель старо-

го университета. Что это? Оговорка или опечатка в газете по недоработке её составителей, явный ляп, или даже глупость самого историка, или же мы имеем дело с интересными историческими фактами, которые до нас не дошли? Меня это заинтриговало. Я поехал разбираться.

Прежде чем отправиться в дорогу, я решил немного подготовиться, чтобы не огорашиться перед людьми, изучить несколько книг. В городке особо читающей публики не было, поэтому запасы местной библиотеки мне мало чем помогли. Конечно, древних фолиантов с хронологической точностью я не требовал, но за время поисков мне не удалось найти никаких упоминаний об этом месте. Единственное, что мне удалось найти – так это некую карту с изображением исторических границ Римской Империи того времени. Карта, конечно, была плохого качества, но неточностей я не заметил. Галлия, Триполитания, Киренаика, Египет, Пальмира, Армения, Фракия, а также целый ряд других важных земель – всё это было на месте. Та часть Англии, которая входила в состав Империи, тоже была на месте. Конечно, при детальном рассмотрении карты сложно понять, насколько точно нанесена демаркационная линия, ведь, как я уже сказал, карта была не лучшего качества, а вероятность точного совпадения изображённых границ с границами историческими, хотя бы в силу того, что шанс на то, что они могли дойти до нас в полной точности, равняется практически нулю. Но с другой стороны эти острова, где сообщили о находке, находят-

ся на самом севере Шотландии – явно не напротив границы спорного региона. Это придало мне уверенности в том, что здесь что-то явно не так. Надо ехать разбираться.

Цивилизации приходят и уходят – одни сменяют другие. Меняются границы, меняются формы государственности. Но одно остается неизменным – человеческая суета...

С чем же всё-таки мы имеем дело? Неужели окажется, что весь Альбион вплоть до севера Шотландии был римским? Или же здесь что-то не так? Эта мысль тяготила мой рассудок. Что весьма интересно так это то, что кому я не говорил про эту странность (хотя в силу специфики обстоятельств я мало с кем успел поделиться этой новостью), никого ничего не насторожило. Мне в своё время удалось получить хорошее образование. Нет, университетов я, конечно, не кончал – тогда, да и в принципе сейчас мало что даст университет – формальную зубрёжку поверхностных фактов, не более того. Факты можно изучить самостоятельно, просто элементарно поставив перед собой проблематику и начав её анализировать, находя интересующие труды. Мыслить они также не учат – они учат лишь зазубривать, но не понимать. С таким подходом можно воспитать послушного исполнителя, инструмент. Воспитать же человека с большой буквы, личность, руководителя и мыслителя, самостоятельного и самодостаточного деятеля можно только лишь самому. Никто – никакой, пусть даже самый заинтересованный и замечательный преподаватель этого за тебя не сделает. Это факт. Уни-

верситеты, людская суета... нет, это не для меня.

Тогда мне приходилось брать очередное рутинное интервью у студентов на тему качества изучаемых дисциплин. Не скрою – дисциплины были формальными, и даже сами студенты, даже самые инициативные из них этого не скрывали. Промолвился в том числе один знакомый ранее мне по работе преподаватель, профессор, но на условии анонимности. Мне пришлось поинтересоваться у всех них этим вопросом о границах Римской Империи чисто ради интереса. Из студентов никто не смог ничего сказать по этому вопросу. Некоторые даже усомнились в том, что и Англия была в составе Римской Империи. Вот оно, вот оно хваленное университетское образование! Почти что выпускники-историки, а заявляют такое! Куда катится мир...

Преподаватели меня удивили ещё больше – все как один, словно под копирку говорили что да, вполне так и есть, может проблема в исторических границах. Разговор был больше похож не на ответ на поставленный вопрос, сколько на ярую, однонаправленную и завуалированную полемику, которую вёл каждый по отдельности в мой адрес в форме высокопарного нравоучительного монолога. Я не доказывал, я не спорил – мне это было незачем.

Слова. Как много можно передать с помощью них. Но с помощью них можно узнать не только про то, что рассказывает собеседник, но и про то, что это за собеседник...

Аргументы были довольно интересны – одни апеллиро-

вали к новым историческим открытиям, к ревизионизму и к переосмыслению истории и исторического прошлого, другие говорили про мощь и могучие Рима, что он мог вполне подчинить и пиктов, но потом, потеряв земли при нашествии варваров, тщательно скрыл и уничтожил все документы. Якобы это была фальсификация истории, а мы, гордые английские учёные, раскроем эту фальсификацию! Вот каковы они, типичные современные историки – то расскажут про переосмысление прошлого, подвергнув сомнению очевидные факты, порою, извратив их до неузнаваемости и перекрасив, выдав чёрное за белое, а белое – за красное. Им это ничего не стоит. Если бы они были математиками, они с пеной у рта доказывали бы то, что дважды два равно пяти, и это не бред сивой кобылы. Это, видите ли, новый инновационный подход, переосмысление старых догм арабских математиков. Они могут. Они так и делают.

То они заговорят про фальсификации – что все документы фальсифицированы, что это было сделано специально и так далее. Мне кажется порой, что скоро до этого и дойдёт (если уже не дошло, в чём я более чем уверен), что будут говорить, что дважды два четыре – это фальсификация математиков античности. На самом деле это пять. Вот это истина! Современная наука доказала! И современное образование вдолбило это в головы юнцам. Самое интересное, что при желании и конъюнктурности это может быть и не пять, а шесть и семь, и хоть сто сорок семь. Просто глупцы и ду-

раки? Может. А может, это делается специально, потому что так выгоднее...

Вот, поэтому, я и не кончал университетов. У меня есть одна интересная особенность – я не терплю лжи. Сколько мне приходилось странствовать, везде я оставался честным. Даже если это мне было это не всегда выгодно. Юношеский максимализм? Да нет, я и сейчас придерживаюсь этого разумного принципа. По крайней мере, стараюсь. Ложь контрпродуктивна. Грамотный оратор может сказать истину так, что при этом получит нужный от публики результат. И нет смысла во лжи. Но этому, пожалуй, не учат в университетах, это не практикуют преподаватели...

Отчаявшись услышать хоть что-то новое, я направлялся к выходу из университета, но рука знакомого преподавателя, очутившись у меня на плече, остановила меня. Это был тот самый знакомый профессор, который ранее анонимно ответил на интервью.

– Вы, я так понимаю, – хриплым, но инициативным голосом начал он, – не из праздного интереса расспрашиваете всех об этом храме. Меня этот факт тоже насторожил. Сколько лет на моем веку преподаю историю, ни разу не сталкивался с подобным, скорее всего это какая-то ошибка.

Рассказав ему о ситуации и обрисовав детали дела, я услышал некоторые интересные подробности:

– Не спешите расспрашивать об этом всех налево и направо – у стен есть уши.

Его голос немного изменил интонацию, что было едва заметно:

– Лучше идите домой, отдохните. Тут Вы ничего интересного не найдёте – зря потратите время.

Уходя, я задумался. Мне приходилось довольно долго слушать людей – что и как они говорят. Порою то, как говорит человек может сказать гораздо больше, чем то, что говорит человек. Что это было? Просто случайность речи или завуалированное послание? Что лучше всё-таки съездить, мало ли что. А сказано так, чтобы, опять же, мало ли кто не услышал, ведь у стен и правда есть уши... Направляясь домой и идя по дороге я долго думал над этим. Шёл дождь. Благо, зонт был с собой. Я чувствовал, что сегодня будет дождь. Вчера был спокойный знойный день и ничего не предвещало такой погоды. Раскаты грома постепенно набирали обороты. Судя по звуку, молния была не так уж и далеко – что-то порядка мили. Резкое изменение, ничего не скажешь! Темнело. Ливень, мрак, гром и молния. Вода...

Мои рассуждения вновь углублялись. С одной стороны, это Альбион и здесь такая погода не редкость. Но а что если это некое такое предостережение, или даже – предупреждение? Некий знак свыше? Или даже небеса плачут от ужаса того, в какое непросвещённое время мы живем...

Наконец, добравшись до дома, я смог спокойно сесть и обдумать всё. Что мы имеем? С одной стороны – явное несоответствие фактов в газете, с другой – полная и безоговороч-

ная поддержка других преподавателей. И не похоже, что это простая профессиональная солидарность. Ещё и это странное высказывание знакомого профессора... Но то что я видел своими глазами на карте есть явное тому подтверждение, что здесь определённно что-то не так. Мысль, что специально хотят обмануть читателей? Не утверждаю, но возможно, так как мало кто в наше время интересуется античной историей тех лет, тем более – границами античных государств. Потратив несколько часов на сопоставление фактов, я всё же решил ехать – даже если это и окажется элементарной ошибкой составителя, что я вполне допускаю, это, как-никак, возможность вырваться из этой суеты, изучить новое. Да и древнее здание, не важно – римское оно или нет, интересно посмотреть.

Уже был поздний вечер. Дождь никак не умолкал. Он становился всё сильнее и сильнее. Он поглощал этот город. Не удивлюсь если завтра, зайдя сообщить о своём решении ехать, меня заставят написать небольшую заметку про минувший шторм. Наконец, потратив остаток времени на бытовую суету, мне пришлось идти спать.

Сон. Ещё одна встреча с потаёнными отголосками сознания... Что же будет на этот раз?

Глава IV: Приготовления

«...на этом и закончилась пламенная речь нашей дорогой королевы. И с ней нельзя не согласиться – действия лорда Палмерстона, особенно в этом вопросе, без мудрого совета Её Величества способны причинить вред авторитету нашей Империи на международной арене. Теперь от новостей политики к событиям нашего города. Наш городок не такой шумный и большой как Лондон, поэтому к нашему величайшему сожалению наша уважаемая королева вряд ли посетит нас в ближайшее время. Но, несмотря на то, что тишина и покой на улицах – это наши черты, нас вчера посетил неожиданный для всех гость. Проливной, пробирающий до самых костей ливень, холодящий душу каждого нашего горожанина. По неподтверждённой информации, поступившей от нашего информатора, на море был шторм, что привело к пропаже ещё одного судна. Согласно тем сведениям, которые мы смогли получить, туман вкупе с неожиданным началом сильного ливня настали рыболовное судно в самый неподходящий момент и оно сбилось с курса. Если верить словам хорошего друга капитана, господину Картеру, то когда они сидели в пабе за несколько часов до отплытия судна, капитан рассказал ему о своих планах по рыбной ловле, ссылаясь на хорошую погоду. Будем надеяться, что судно скоро вернётся в порт, ведь капитан корабля – опытный

и надёжный человек, в своей юности хорошо проявивший себя при Трафальгарском сражении, почётный гражданин нашего города. Нет никаких сомнений, что он вернётся. Хоть и периодически пропадающие судна в последнее время в аналогичных условиях редко возвращаются...»

Я не ошибся. Стоило мне только зайти в свой кабинет, как на столе уже лежала записка от редактора, а также небольшая папка с записями от разносортных информаторов. Пришлось изрядно повозиться, чтобы закончить сегодняшнюю работу с небольшой заметкой и выпуском газеты.

Работа. Что она приносит – пользу или вред? Смотря, какая работа. Где приходится говорить людям правду в лицо, пусть даже и ту от которой у них в трубочку сворачиваются уши – это польза. Та же, где приходится постоянно врать, говорить или писать то во что сам не веришь, пусть, даже если это и нравится людям – это вред. Это неправильно. Я не привык врать. Я стараюсь говорить только правду.

Редактора не было на месте. Странно, обычно он всегда на рабочем месте, заходит ко мне сам и после небольшого разговора переходит к делу, прямо излагая суть работы на сегодня. Не то чтобы меня это удивило или как-то задело, но эта мелочь мне не давала некоторое время покоя. Интересное и важное дело? Тогда почему он мне об этом не сказал в записке и не позвал с собой? Ведь по его словам я находка для этого издания, «золотой человек», как он любит меня называть. То ли в шутку, то ли всерьёз, интонация по-

рой варьируется и сложно об этом сказать наверняка. Но я с ним всё же не согласен. Я просто делаю свою работу. Я просто делаю то, что должен делать.

Очень часто в силу работы мне приходилось бывать на различных публичных мероприятиях и выслушивать похвалу. Нет, не лицемерную и надменную подхалимскую, мотивационную речь, а искреннюю, честную заметку от чистого сердца. Хоть человек говорит прямо и открыто, мне это не особо нравится. Я не думаю, что я совершаю что-то из ряда вон выходящее. Просто ответственно выполняю свою работу – вот и всё.

Искренность. Искренни ли мы в своих словах? А в своих желаниях? Порою довольно сложно найти эту грань, которой руководствуется человек в том или иной случае. Ещё интереснее обстоят дела, когда речь идёт не о словах, но о поступках. Зачем мы совершаем те или иные действия и поступки? Сделать что-то полезное или же просто так, по инерции? Но что это наша инерция – лишь инструмент или просто интенсивный рефлекс нашего побудителя – сознания?

Человек довольно инертен. Довольно часто ему приходится совершать те или иные поступки не потому, что он так считает, но только лишь потому, что он привык. Адаптационный механизм нашей моторики мышления.

Пора было собираться в дорогу. В офисе я оставил заметку на имя редактора, где детально описал сложившуюся ситуацию. Проблем быть не должно – это не первый мой слу-

чай, когда приходилось срываться на другое место по тому или иному заданию. Он знает, что если я так поступаю, значит оно того действительно стоит. Ох, а оно, поверьте, действительно стоит того...

Надо было идти на вокзал, брать билет. Прошло буквально пару десятков лет когда у нас запустилась первая железная дорога. Сейчас это дело постепенно развивается и железный паровой монстр всё набирает и набирает популярность.

Было солнечно. Ничего не предвещало беды. Яркие лучи солнца, переливаясь, играли по крышам и фасадам домов, создавая иллюзию бегающих и играющихся бликов. Когда идёшь быстрым темпом по городу, подобное кажется ничем иным, как игрой мальчишек в догонялки. Один луч юрко перепрыгивает с одного домишки на другой, передавая эстафету следующему лучику. Я редко испытываю простую радость, но в тот момент у меня было игривое, радостное настроение, так нехарактерное мне. Как мне казалось, ничего не может его испортить...

Возможно, это было неким отвлечением от мирской суеты. Обычно, ходя по городу, приходится видеть, как суетятся люди, занимаясь своими обычными бытовыми вопросами...

Случайность. Как много мы знаем о ней? Из чего она рождается и к каким последствиям она приводит? Рассуждая на эту тему, задаёшься ещё более интересным вопросом – а случайность, случайна ли она? Или же это целенаправленный план, если хотите, комплекс действий, направленный

на срабатывание нужного и запланированного сценария, чьё появление довольно грамотно завуалировано? Редко мы замечаем подобное. Но, разве это не так?

Случайность. Именно так можно назвать и сегодняшнюю погоду, и моё настроение, и мои взоры, бросаемые на лики города. Случайно и, как не бывало, отсутствие мирской суеты, обычно характерной для этого времени. Ещё более случайно и то, что, несмотря на то, что я не всегда рад видеть солнечную погоду, она меня изрядно позабавила. Странно всё это для меня. Очень странно...

Добравшись до вокзала, мне удалось взять билет. До следующего городишки, подобного тому, где я сейчас проживаю, мало чем отличающемуся от него. В полумили от него находится станция, где мне и предстоит сойти. Дальше придётся совершить небольшую походку до маленького прибрежного городка, а точнее, деревушки, а от неё плыть на сам остров, где собственно и обнаружили эту таинственную находку. Составив и прикинув маршрут в своей голове, я на секунду вспомнил о своих минувших странствиях. Было в этом что-то родное и теплое. Воспоминания...

Воспоминания... они подобны неким грёзам, демонстрирующим то, что мы пережили ради того, что мы хотим пережить. Очень часто мы даже и не задумываемся о том, сколько поступков мы совершили ради того, чтобы иметь возможность в будущем совершать другие, не менее важные поступки. Иногда эта связь практически незаметна. Порою, она

весьма туманна. Но ещё более часто она, как нам кажется, отсутствует. И, пожалуй, только воспоминания способны помочь нам установить и выявить данную связь...

Билет был только на вечер. Последний поезд шёл в том направлении. Вечер. Ночь. Ранее утро. Пожалуй, самые лучшие времена суток. Вечером проходит мирская суета – можно сосредоточиться и заняться важными делами, спокойно поработать и поразмышлять. Ночью от суеты ничего не остаётся – самое время для усердного изучения чего-либо в полном спокойствии и абсолютной тишине. Ранним утром мирская суета ещё не началась – люди толком не проснулись, а это самое время для прогулок и рабочих заходов. Позднее же начинается самое обыденное – все, как всегда, бегут по своим делам – торопятся, спешат. Одним словом – суетятся. Время было выбрано удачно – как раз будет время всё обдумать. Мне повезло – редко сейчас из нашего городка кто идёт этим рейсом, в купе я буду ехать один.

Одиночество. Мы всю жизнь двояко относимся к этому прекрасному, но одновременно и ужасному чувству. Одно время мы боимся остаться одни, искусственно подстраиваемся под общество, другую же часть времени мы только и хотим, что покоя. Я люблю одиночество – оно настраивает мысли на нужный лад. Но я не брезгую и обществом. Дозированным обществом. С перерывами. Так сказать, небольшими отдельными порциями. Всё хорошо только тогда, когда его немного...

После, я решил зайти в уже знакомую нам библиотеку. Как я уже говорил, запас литературы здесь был довольно скудный. Но, тем не менее, мне удалось найти пару книг по античной истории и регионалистике. Правда там были одни общие фразы и общие формулировки... да, по таким книгам ничего толком и не изучишь, но выбора не было. А если верить библиотекарю – старому, но добродушному шотландцу – это лучшее, что можно найти в этой части Соединённого Королевства.

Общее и частное. Сколько полярного в этих словах! Одно позволяет получить поверхностные, но всеохватывающие знания, другое же – детально и подробно изучить интересный предмет. Я всегда любил частности. Из частностей рождается общее. Ещё Аристотель говорил про то, что целое больше, чем сумма его частей. В наше время все любят общее – частности мало кого волнуют. Конечно, лучше смотреть на целую картинку, чем на кусочки мозаики. Но когда смотришь на всё сразу, теряется восприятие мельчайших деталей. Для наблюдателя кусочки перестают существовать, и он начинает замечать только целое. А ведь, порою довольно часто, всё самое интересное кроется именно в деталях...

Мне удалось договориться о том, чтобы взять пару-тройку книг с собой в дорогу – их названия я сейчас даже и не припомню. В городе я был на хорошем счету, поэтому библиотекарь помог подобрать лучшее, что можно было здесь найти, и разрешил их взять с собою.

– Удачной дороги! Шотландия, моя Родина – очень гостеприимный регион. Вам там будут рады! – С энтузиазмом и неподдельной искренностью, с тёплой улыбкой на лице сказал библиотекарь.

Доброта. Чистосердечность. Искренность. В наше время, к сожалению, эти три качества начинают встречаться всё реже и реже. Людей, действительно, только и волнуют, что свои проблемы – до чужих им попросту нет дела. И, может, это ещё можно было бы понять, если бы каждый занимался своими делами, но с уважением относился к чужим. Элементарная вежливость и честность – всё это моральные и нравственные качества, которых так не хватает современному обществу... Но, у него есть суета – зачем им всё это?..

Несмотря на то, что в библиотеке сложно найти какую-либо качественную литературу, её размеры поражали – массивное трёхэтажное здание с упирающимися до самого потолка объёмными круглыми лестницами, где поместится, по меньшей мере, за парочку тысяч книг. Воистину, колоссальное сооружение. И найти здесь что-то не зная её довольно сложно, если вообще возможно. Читальный зал тоже поражал ум – длинное и тёмное прямоугольное помещение посередине библиотеки. Хоть, он и не был обит какими-либо стенами и напрямую был связан с самой библиотекой, разглядеть его полностью не представлялось возможным. В самом же зале царил непроницаемая тишина. И даже не потому, что сюда мало кто заходил из нашего городишки. Мне приходилось

бывать здесь. Правилами местной библиотеки из-за боязни кражи довольно усложнена и забюрократизирована процедура получения книг на руки, поэтому, когда нужно было что-либо изучить, приходилось проводить время здесь. Самое то, если дело ближе к вечеру, а на улице сильно хлещет дождь, самый настоящий ливень – идти домой не вариант, и посему можно посидеть здесь подольше. А если и книга соответствующая, такая атмосфера, несмотря на свою мрачность, настраивает мысли на нужный лад.

Тьма и свет. Свет и мрак. Природа – вещь довольно полярная, и даже – биполярная. Что такое тьма? А что такое свет? Физики скажут, что тьма – это отсутствие света. И, пожалуй, будут правы. Но какие секреты в себе таит тьма? Тьма это не только световое явление, это целое неизведанное и тайное...

Прежде чем идти домой, собирать вещи, я решил ненадолго присесть – ознакомиться с книгами. Посмотреть их, полистать, чтобы знать, что они собой представляют, так сказать, что здесь достойно *nota bene*³. Да, книжки толстые – да толку мало. По теме можно выделить не более полусотен страниц на все – за хорошую ночь можно ознакомиться с этим. Что же, пора идти домой, собирать вещи...

Знакомая рука вновь одёрнула меня. Не успел я встать из-за стола, как передо мною предстал известный мне облик.
– И всё же Вы решили ехать. – Хриплым и уставшим го-

³ лат. Обрати внимание.

лосом констатировал профессор.

– Да – по-другому здесь не разобраться. – Ответил я, складывая книги в стопку.

– Что же, весьма интересное решение, – всё той же интонацией продолжал профессор, – надеюсь, Вы знаете, что делаете.

Недолго думая, профессор положил неизвестную мне ранее книгу поверх стопки низкосортных книг.

– Вот очень старая, но интересная книга. В той стопке Вы ничего дельного не найдете – лучше потратьте время на изучение этого древнего труда.

Обложка книги была выполнена из чёрной кожи. Судя по потёртостям и трещинам, она пережила ни одно десятилетие, а может, и столетие. При таком тусклом и мрачном освещении как здесь, блеклое и едва заметное тиснение с названием книги было довольно сложно разглядеть.

– Что же это за книга? – С лёгким удивлением поинтересовался я.

– Прочитаете – Вы всё поймете. Более я не могу Вам ничего сказать сейчас. – Произнёс профессор, намекая на то, что не желает более слышать никаких вопросов по содержанию книги.

– Я неизвестно когда вернусь и когда смогу вернуть её Вам. То есть, Вы мне доверяете эту, судя по всему, довольно ценную книгу на довольно долгий срок?

– Да, – С неким энтузиазмом ответил профессор, – теперь

она Ваша.

– Что, насовсем? – Удивленно переспросил я, не ожидая такого ответа.

– Да. Храните её как зеницу ока. Теперь же, поторопитесь.

– А как Вы узнали, что...

– Это всё, чем я могу Вам помочь, – торопливо и с некоторой долей волнения произнёс профессор. – Мне надо идти.

– А что насчёт...

– Всего хорошего! – Сказал профессор, растворяясь в темноте читального зала. А я ведь даже не успел его поблагодарить...

Всё это довольно странно. Вначале он говорит довольно интересные вещи в университете, теперь же узнаёт мои планы и выслеживает меня, даря таинственную книгу из прошлого века. Что-то здесь явно не так. Что-то здесь явно не то.

Надо действовать быстро и решительно. Если он так поспешно скрылся, значит, у него на то есть свои причины. Я быстрым шагом направился к своему дому. Темнело. До отбытия оставались считанные часы. С каждой минутой, с каждым шагом я всё больше убеждался в том, что здесь мы имеем дело явно с чем-то более серьёзным, нежели чем просто с оговоркой оркнейского профессора или опечаткой в прессе. Такие вещи не происходят просто так. Так много людей никогда не настаивает на точности и правоте событий. От нас явно что-то скрывают... И, в особенности, от меня...

Известное и неизвестное. Явное и неявное. Скрытое и от-

крытое. Иногда, когда хочешь что-то спрятать, это что-то следует положить на самое видное место – там никто и не задумается искать. Хочешь обмануть массы и задурманить им голову – скажи им откровенную ложь, непостижимую уму и разуму – и они охотно в неё поверят. Хотим ли мы этого или нет, но это факт. Человеческая ложь является двигателем суеты – ведь, живя во лжи, зачем задумываться над действительностью? Зачем думать о том, что окружает нас и наталкивает на довольно интересные параллели и образы? Размышления отвлекают от суеты. И уводят наши души в пустоту, освобождая наше сознание от восприятия действительности. Занимайся своим, делай своё, не думая о правде, не говори лишнего – вот образы и каноны, по которым сейчас практически все и живут. И это не может не печалить. Несмотря на технический прогресс и развитую науку, неизвестное остается неизвестным. То, что мы знаем, то, о чём мы думаем, и главное – то, как мы думаем, – всё это лишь малая часть известного, – часть того, что и ограничивает нас. Неизвестное – именно в нём и лежит ответ на все вопросы...

До дома я дошёл, как ни странно, довольно быстро – что-то в районе около получаса. Когда человек спешит, он может сделать многое. На некоторое небольшое время мне всё же пришлось вырваться из этого приближающегося увлекательного приключения и заняться рутинным делом, суетой, но в данном случае – важным делом. Да, я начал собирать вещи. Заняло это от силы минут тридцать – сорок пять.

Хоть мне ничего брать в дорогу особого брать не пришлось, собрался целый чемодан. Нет, не такие, которые еле поднимешь и пока донесешь до места назначения запястье будет болеть так, словно его прокрутили как следует и растянули. Нет, это обычный, маленький, компактный чемодан, который легко уместится в ящике рабочего стола. Хотя обычно я и с собой столько много не ношу – как правило, это ни к чему. Но эта поездка... неизвестно насколько она затянется и чем она обернется... нужно быть начеку. И быть готовым ко всему. Поэтому лучше подготовиться и взять с собой всё необходимое. Мало ли, насколько мне придется там задержаться...

Любопытство. Интерес. Именно они и сгубили Пандору. Действительно, если задуматься над этим, то многие, если почти не все беды идут именно от любопытства. Мнимого или реального интереса в котором заинтересован человек. Порою интерес человека может увлечь с головою, и даже больше – заставить его потерять голову. И это, в итоге, может сгубить его. Как, собственно, и сгубило Пандору...

Первым делом, когда я был готов, первым желанием, которое у меня появилось ещё в библиотеке – это открыть таинственную книгу, открыть свой ларец Пандоры... Интерес был довольно силён и велик. Что же это за книга такая? Может, она и погубила меня – сейчас, спустя год, довольно легко говорить об этом. Но знал ли я тогда об этом? Боюсь, что нет.

Книгу я так и не открыл, даже не попытался рассмотреть её название – всё самое интересное я решил оставить на поездку. Человеческие желания довольно интересная вещь – они способны увлечь нас, заставить делать то, что может быть и будет печальным и плачевным для нас самих, но только ради того, чтобы удовлетворить своё человеческое желание...

На улице становилось темнее. Было пасмурно. Мрачные тучи затянули всё небо, не оставляя ни малейшего следа пустоты. Всё было порабощено тьмою. Да, к вечеру погода становилась всё интереснее – однозначно, будет сильный дождь. Пора собираться в дорогу, если не хочется попасть под него. Взяв чемодан и направляясь взять связку книг, я на долю секунды задумался – а не попытаться ли рассмотреть книгу сейчас? Ведь, дело то пары секунд, но зато хорошая тема для размышлений по дороге на вокзал. Отложив чемодан в сторону на минуту, я взял эту старинную книгу. Она была довольно тяжёлой и массивной – Библия здесь и рядом не стояла. Тиснение было в очень плачевном состоянии – без лупы, пожалуй, его так просто и не рассмотришь. А разбирать чемодан прямо сейчас и искать её – долгое дело. Поднеся книгу поближе, я попытался рассмотреть рельеф, где местами стёрлось тиснение, тем самым, пытаюсь восстановить название работы.

Тщательность. Скрупулёзность. Внимательность. Всё это позволяет с точностью установить достоверность определён-

ных явлений и событий. Они помогают нам сосредоточиться и понять суть вещей. Узреть Истину.

Граница между местом для тиснения и самой обложкой плохо просматривалась на первый взгляд даже при тщательном рассмотрении. Пока я рассматривал её, начался дождь. Спустя некоторое время наступила странная тишина. Пустота. В это время я почувствовал странную грусть. Будто бы, произошло что-то плохое. Это состояние длилось буквально мгновение; позже, странная тишина испарилась, равно как и моя непонятная грусть.

Грусть. Тоска. Печаль. Все эти три качества сопровождают нас каждый день. В той или иной степени. Но иногда они действительно много значат для нас. И передают особые переживания. Порою кажется, что сознание выходит за рамки осознанного, за рамки реальности...

Тем не менее, мне удалось рассмотреть часть тиснения.

Судя по всему, первая буква названия книги это «Д», а дальше...

Резко и неожиданно неподалеку от моего дома ударила сильная молния! Настолько сильная, что я даже почувствовал под своими ногами дрожание пола, а мои уши, учитывая тишину в комнате, заложило! Резко отдернувшись от книги и содрогнувшись, я еле сохранил концентрацию движения и не уронил книгу на пол. Судя по вспышке в окне, не прошло и секунды разницы между вспышкой молнии и раскатом грома, а ведь скорость звука чуть больше 300 метров в се-

кунду! Я, конечно, видел многое на своем веку, сталкивался с разными вещами, но чтобы так рядом ударила молния, да и так сильно – это было со мною впервые! Ладно, тем не менее, надо идти. Потом рассмотрю книгу.

Взяв в одну руку чемодан и связку книг, а во вторую – зонтик, я поспешно покинул свой дом. Дорога лежала к вокзалу. Идти пришлось быстро, но аккуратно – не хотелось намочить книги, в особенности – эту странную книгу профессора. Благо я положил её меж других книг. Дорога предстояла не короткая – вокзал был значительно дальше нежели чем библиотека. Тем не менее, дождь становился всё сильнее с каждым пересечённым кварталом. Тьма уже начала спускаться на улицы городка – пройдя чуть больше половины пути, я начал замечать, как в домах уже начали загораться свечи, а на улицах – подобия фонарей. Подобия, поскольку этот городишко не настолько богат, чтобы позволить себе роскошные фонари как, например, в Лондоне. Мрак на улицах сгустился и, практически дойдя до вокзала, я заметил, что крошечная тьма полностью покрыла наш городишко. Тьма, в купе с сильным проливным дождём, а также редко грохочущей неподалёку молнией – пусть и не такой сильной, как около моего дома, но всё же, ощутимой. Мне кажется, что в соседних кварталах расплакался не один ребёнок – действительно, погода была мрачной и жуткой. Это та самая погода, от которой стынет кровь в жилах. Даже взрослые, скорее всего, немного напряглись. Сидя в своём тёплом и уют-

НОМ ДОМИКЕ...

А я шёл. Шёл на вокзал к назначенному времени. Как ни странно, по дороге я не встретил ни одного прохожего. Было довольно странное чувство, что за мною кто-то идёт по пятам. Местами, неожиданно оглядываясь на длинных участках, мои опасения не подтвердились. Не было ни одной живой души. Живой...

Кто такой человек? Да и в принципе, любой живой организм. Кто-то скажет, что, прежде всего, это мешок с костями. Кучка материи. Это правда. Живое и материя – взаимосвязанные категории, ведь живое всегда материально, а материя всегда полезна и необходима для живого. Но всё ли есть материя? Есть ли какие-либо нематериальные силы? Ведь, порою кажется, или даже ощущается присутствие некоего нечто, некой силы... Особой, нематериальной силы...

К вокзалу я пришёл вовремя. Касса уже была закрыта, сам же вокзал был пуст. Охранников на месте не было – да и в принципе, что здесь охранять в такое позднее время? Здесь сегодня ночью проедет только один рейс...

На место я прибыл вовремя – поезд ещё не подъехал. На станции не было никого – я был один. В полном одиночестве. Меня окружала полная и непроницаемая тьма. И тишина. Хоть, вокзал и имел некоторую значимость для нашего городишки, так как он лежал на пути железной дороги, соединяющей важные города, он не особо выделялся по стилистике от остальной части нашего города – здесь даже

не умудрились поставить нормальные фонари! Единственное, что хоть как-то освещало местность здесь – старая лампа накаливания, изобретённая стариной Уоренном, которую уже давно пора заменить – она не светила так ярко, как должна была светить, и тем более, она так сильно мигала, будто бы сигнализировала мне что-то. И одна лампа на весь вокзал! Это, конечно, сильно даже и для такого городишки!

Гнев. Ярость. Раздражительность. Эти три характеристики также сопровождают нас на протяжении нашей жизни. В той или иной степени. И нам приходится иметь с ними дело. И не важно, что их вызывает – всегда надо оставаться хладнокровными и спокойными. Покой. Хладнокровие. Порядок. Именно эти три вещи надо противопоставлять им.

И тем не менее, я ждал. Ждал, словно оловянный солдатик, пока приедет поезд. И думал. О чём? Сейчас точно и не вспомнишь. Тогда я думал о многом...

Мой взор был устремлён вперёд, сквозь тьму и мигание фонаря – я ждал поезда.

Время шло. Судя по моим карманным часам, которые меня никогда не подводят, поезд должен был подъехать пару минут назад. Обычно, поезда приходят заранее на несколько минут, но никак не запаздывают – тем более, по прямому маршруту. Это меня насторожило. Но тем не менее, я ждал. Невозмутимо и стойко перенося ливень. Я ждал только лишь одного – того, когда я усядусь в тихое и спокойное купе и смогу тщательно изучить книги. Ведь, пожалуй,

нет ничего лучше, чем вечер с хорошими книгами, особенно в таких условиях – когда на улице дождь и гром, а ты сидишь в одиночестве и едешь по дороге в неизвестное...

Среди тьмы начали прорезаться два круга света на горизонтальном расстоянии друг от друга, становясь с каждой секундой всё больше и больше. Поезд подъезжал на станцию.

Здесь и начинается моё путешествие длинною в жизнь...

Глава V: Поездка

Любое захватывающее приключение на первый взгляд не предвещает никакой беды. Вроде как, всё тихо и гладко. Спокойно. Нет никаких серьёзных поводов беспокоиться. И, казалось бы, нет никакого смысла даже сомневаться в истинности происходящего. Но находятся мелкие элементы, некие мелкие детали, которые не дают покоя. Даже, можно сказать, не дают комфорта. Не то, чтобы они смущают или заставляют нервничать, нет. Просто они заставляют тебя задумываться. «Но ведь здесь явно что-то не так!» – порою, так и хочется воскликнуть это. Но ты не решаешься сделать это. Не потому, что боишься поспешности или ошибки, но только лишь потому, что тебе не даёт покоя чувство незавершённости. Нехватки доказательств, как мог бы констатировать судья. Но здесь судья ты, и тебе решать, как быть. И это же самое чувство наполняет твою душу, поглощая твой разум, твоё сознание. Этих мелочей полно, и все они будоражат рассудок. И вроде бы всё нормально. Но стоит сложить эти детали воедино, как сразу рождается целостное видение всей ситуации. Печальное видение. Такое видение, которое полностью меняет твой взгляд на окружающий мир. Становится ясно, что то, что происходит сейчас, мягко говоря, странно. Здесь явно что-то не так. Тайное стало явным. И ты понимаешь, что ты не просто осознаёшь всю масштабность и колоссаль-

ность этого, а то, что ты – непосредственный участник этого противоречивого процесса, от которого зависит многое.

Это чувство наступало постепенно. С каждым слышимым издаваемым лязгом колёс поезда об рельсы. Но, до его полного просветления было ещё далеко...

Дороги в этой части Англии были не самого лучшего качества – оно и понятно, ведь не часто люди совершают поездки здесь. Крупных городов здесь не найти – не та местность, да и география не располагает к этому – нет рядом крупных пристанищ – туда, куда можно было бы придти знатному лорду, чтобы начать своё дело. Ресурсами здесь явно тоже не поживишься – все месторождения разработали ещё несколько веков назад, ведь ещё с неизведанных времён друидов здесь живут люди. А что говорить про всё ту же Римскую Империю, которая славилась своим искусством обработки металлов и колоссальным массовым строительством. Чего стоит один вал Адриана, чья протяжённость составляет более шестидесяти миль. Вал Антонина, хоть и меньше него почти в два раза, тоже поражает своим размахом. А ведь это античные времена – немыслимые проекты по тем годам.

Нам ещё было далеко, как и до вала Адриана, так и до вала Антонина. Дорога предстояла длинная. Стойкий ливень хлестал со всей силой по окнам поезда. Кромешную тьму снаружи изредка пробивал яркий свет от молнии, бьющей где-то вдалеке. Кругом не было ни одного населённого пункта. Одни зелёные поля. Создавалось интересное чувство одино-

чества и отрешённости от земной цивилизации, где от неё был только лишь один наш поезд. Дождь, мрак, природа... Порою казалось, будто бы сами друиды гневаются на нас, направляя все силы природы на то, чтобы окончательно погрузить мир во тьму. Так, по сути, и было – хоть впереди поезда на головном вагоне и было два мощных и массивных фонаря – словно два маленьких маяка, здесь же, в таком туманном и тёмном месте они казались двумя маленькими свечками, еле освещающими то, что буквально находится в метре от них. Чего уж говорить и про обычные фонари...

Посадка на поезд прошла успешно. Буквально он как только остановился, я подошёл к условленному вагону. Проводник не отличался особой приветливостью – в его жестах и мимике ощущалось чувство полной отрешённости и абстрагированности. Как я помню, обычно, собираясь в поездку ранее, мне встречались душевные и дружелюбные проводники, которые с улыбкой встретят, угостят чашечкой горячего английского чая и расскажут, что и как обстоит в тех регионах, где они колесят – ведь им практически каждый день приходится иметь дело с разными людьми, у которых свои проблемы и интересы, и каждый норовит поделиться этим с ними. И самому, так сказать, облегчиться, да и может услышать что дельное, что может помочь в их непростом деле. Иногда мне даже удавалось узнавать целый новый материал для газеты, или наводки, по которым приходилось отправляться в новое приключение и узнавать, что там, да

и как обстоят дела. Сейчас же это было совсем по-другому.

С технической точки зрения, с точки зрения формальностей, проводник, несмотря на свой преклонный возраст, ничего не нарушил – поприветствовал, проверил документы, проводил до купе и объяснил формальные моменты, вроде техники безопасности или уведомления о прибытии. Ни слова более он не проронил и быстро удалился, исчезнув в темноте длинного вагона. Что же, меня ждало самое интересное – это те книги, которые мне удалось раздобыть. Особенно – та самая таинственная книга. Уже было очевидно, что это не просто пространная вещьца, а самый настоящий кладёз тайных знаний, которых достаточно много можно будет почерпнуть из него. Сев на сиденье около окна и положив чемодан справа от себя, я зажёл огонь в лампе. Внешне она напоминала керосиновую лампу – ту самую, которую только что изобрели, или вот-вот только что должны были изобрести – сейчас точно и не припомнишь. Но несмотря на это, огонь от неё был довольно тусклый и слабый. Казалось, будто бы сама тьма поглощает свет из неё, и она, сопротивляясь изо всех сил, излучает хоть какое-то едва тлеющее свечение. Радиус освещения был очень маленьким – его едва хватало на столик, не то, что на всё купе – его дальние уголки, близкие к двери, а также некоторая часть остальной комнаты были покрыты непробиваемой темнотой. Кого-то это могло пугать. Меня же это настраивало на особую атмосферу – особую душевную гармонию, как раз идеально подходящую для

изучения подобных работ. Что же, пора было начинать.

Тайные знания... сколько оккультного и эзотерического в этом словосочетании. На ум сразу приходят некие черно-книжники, сидящие в древних пещерах и замках, и при свете от канделябра или от толстой восковой свечи, тщательно изучающие древние фолианты, покрытые мраком истории...

Отбросив все сомнения и мифические настроения, я поставил на стол связку книг – как я ни старался аккуратно донести их до поезда, всё равно книги успели слегка намокнуть. Ничего страшного, это никак не повредит им, ведь это просто мелкие капельки воды, но протереть их всё же стоило. Развязав связку, я начал смахивать ладонью воду с каждой из них. Что меня удивило, так это то, что та самая мистическая книга профессора никак не намокла. Она была абсолютно сухой. Никакая другая книга не удостоилась чести оказаться таковой. Это меня удивило. Другие книги, которые были посередине связки, хоть чуть-чуть, да намокли по бокам. Эта же книга была полностью сухой. Что это – просто закономерная действительность, обусловленная тем, что я специально старался не намочить её и тем, что я её аккуратно и грамотно положил меж двух других книг, или же что-то иное – мне это не было известно тогда. Да и мало о чём мне это говорило, ведь это, как мне показалось, мелочь, которая мало что может значить. И даже сейчас я затрудняюсь сказать, что же это всё-таки было.

Сомнения всегда порождают домыслы. И страхи. И дале-

ко не всегда можно сказать, чего больше – страхов или домыслов. В домыслах и страхах много общего – домыслы способны навести разум на ложный путь, страхи же – сбить его с пути истинного. Результат же всегда остаётся один – разум окончательно отклоняется от правильного пути. И не важно, каким образом это происходит – отходом от правильной дороги, или же поворотом на ложную тропинку...

Прежде всего, мне надо было определиться с чего начать – рассмотреть сначала ту самую таинственную книгу, или же заняться теми самыми обычными книгами сомнительного качества, с точки зрения полноты материала. Аргументы были, как и за первый, так и за второй вариант. Эта мрачная и таинственная книга поглощала мой разум, пытаюсь утащить его в таинственные странствия, неведомые реальности, чем и привлекала меня. Соблазн был довольно сильный. Но с другой стороны, читать такую работу сразу после дороги – дело гиблое. Нужно сосредоточиться и настроиться, так сказать, размяться. А обычные и тривиальные книги из библиотеки были для этого хорошим подспорьем. Я решил начать именно с них, оставив эту книгу, так сказать, на десерт – на самое интересное.

Зачем мы делаем что-то? И сразу встречный вопрос – а зачем люди пишут книги? Довольно интересное и весьма странное сочетание постановок вопросов, но всё же – зачем? Начнём со второго. Прославиться, стать знаменитыми? Заработать тяжёлый и не очень грош на жизнь? Или же жела-

ние изучить что-то и поделиться с другими? Судя по тому, что я обнаруживал в течение нескольких часов на страницах этих... кхм... книг, так это очевидные и известные истины – всё это я знал ещё будучи юнцом. Как я и был убеждён ранее, в них подавались общие факты, растянутые на десятков страниц. И ладно бы, при этом авторы сих творений пытались представить эти факты либо совсем молодому человеку, который ещё ничего не знает, либо глупому невежде, пытаясь научить его хоть чему-то. Так нет – они на полном серьёзе, со всей академической риторикой и ненужным теоретизированием пытались объяснить элементарное! А зачем? А просто так. Мне кажется, чтобы растянуть не очень качественную лекцию на всю книгу. А потом, издав её, сидеть и наслаждаться собою, мол, какой я молодец, какой я гений, аж целую книгу написал! А придёт в карман ещё что-то – так это вообще замечательно! Увы, я пытался, я вчитывался, но ничего дельного для себя я здесь не нашёл.

Человеческая наивность и простота – что может быть милее! И даже можно сказать больше – забавнее! То, во что искренне верят другие, пусть и недалёкие люди, способно сильно позабавить тех немногих, кто видит белые нити этой скрупулёзной лжи. Но такие люди не покажут себя, нет. Они будут в стороне. Наблюдать. Молча. Другие же будут кричать налево и направо, издавая невнятные звуки и вопли, понятные только им самим. И будут своими же жертвами. Их погубит их глупость – их навязчивая активность. Это и раз-

деляет наш мир на две категории людей – на людей умных, и людей глупых. И к какой категории нам принадлежать – решать только нам. Никто и ничто не вправе заставить нас быть умными. И, не поверите – глупыми тоже. Каждый из нас делает этот сложный выбор, выбирая свою дорогу, на которую он ступает. И как долго он будет идти по ней, не решаясь с неё свернуть, тоже решать только ему. Сейчас, спустя столько лет, столько пережитых в поисках лет, я считаю себя глупцом. Уж слишком много я делал, уж слишком активным я был...

И всё же, пусть я дельного ничего и не нашёл в них, я хоть настроился на нужный лад – теперь я был готов ловить каждое слово. После всех тех, пропущенных мимо. И всё же, некоторые вещи приводили меня не только в сильное замешательство, но даже и в удивление.

«...И после этого, мы можем по праву считать бриттов покорённым народом. Кельтские племена бежали на север, унося с собой свои древние знания. Друиды, без сомнения, были их некими пророками, ведущими свой народ вперёд, совершая некий „Исход“ с новых земель римлян. Бежали, разумеется, не все. Только избранные – только особые. Носители неких сокровенных тайных знаний, люди особого таланта. Некие мистерии – покидая эти земли, они уносили с собой и сакральные мистические знания. Они шли на Север. Они покоряли новые земли и острова. Они строили свои курганы и холмы там, где и совершали отправление своих таинств.

Сейчас мы их уже не найдём. Да и вряд ли когда мы найдём их остатки. Не осталось ни одного камешка от их бытия – всё было утрачено. И только одним их Богам известно, куда исчезли они, и вернутся ли они когда-нибудь...».

Да уж, автору этой книги не отнять фантазии! Как такое вообще допустили в печать?! Какой ещё «Исход»?! Как мы сейчас знаем, в V веке бриттам даровали независимость, и на территории римской Англии появилось множество кельтских государств. Никто никуда не уходил! Иначе что, сами римляне и создали там множество варварских государств? Зачем им это надо было? Оставили бы тогда эту землю себе, чего уж тут мудрить. Бульварная пресса и то не взялась бы такое печатать, а автора этой работы однозначно назвали бы сумасшедшим и отправили бы в дом для душевнобольных. Жёлтая монография, если так можно выразиться, пожалуй. Ладно, мякоть в сторону, пора приступать к самому соку...

А поезд всё ехал и ехал. Грохотала гроза, стучали рельсы. Порою, создавалось впечатление, что я один еду в этом поезде – уж очень подозрительно мёртвая тишина царила в нём. Рейс, конечно, непопулярный, но я думаю, что я не один еду здесь. Есть и другие пассажиры. Но поезд слишком велик, слишком много вагонов... зачем их столько? А затем, что на обратной дороге маршрут будет изящнее – множество больших городов, лежащих за нашим чахлым городком. И явно найдутся леди и джентльмены, желающие соизво-

лить отправиться в дорогу. Кто – работать, а кто – отдыхать. А пока поезд едет пустым, мёртвым рейсом. Да уж, действительно, мёртвым. На долю секунды может проскакивать даже мысль, что это – передвижной морг на рельсах. Вагоны – как холодильники для тел, тела же – мы сами – пассажиры. И нас везут неизведанно куда – впереди лишь крошечная тьма.

Решив перевести дух, я начал рассматривать местность, которую мы проезжали. Это было недолго – минут десять-пятнадцать. Была непроницаемая крошечная тьма. Время подходило к полуночи.

Что же, надо теперь взяться за то, за что я не решался браться так долго – эта странная, погруженная во множество тайн книга. Мне казалось тогда, что она может дать мне ответы на все вопросы. Сейчас же, я понимаю, что я получил больше вопросов, нежели чем ответов...

«Я знаю, что я ничего не знаю» – в своё время воскликнул Сократ. Или Демокрит – здесь есть разные мнения по этому поводу. Но, как говорится, неважно кто – важно что. Держа эту книгу в руках, проводя пальцами рук по ней, я, несмотря на приписываемый мне многими талант и ум, чувствовал себя наивным малым глупцом. Тем, кто ничего не знает. Никем перед всем...

Книга, действительно, поражала своим величием и мощью – глядя на неё, создавалось впечатление неизведанного ранее могучего источника знаний. Держа же её в руках, это чувство усиливалось – чувствовалось прикосновение к вели-

кому и древнему. Кто знает, какие тайны скрыты в этой массивной работе. Сколько таинств, сколько секретов она хранит... это мне только предстояло выяснить. Одного только внешнего вида и держания в руках было мало – надо её тщательнейшим образом изучить. Каждую страницу, каждую запятую, каждый символ сего шедевра. И хоть на вид она была достаточно потрёпанной и старой, явно пережившей не одно десятилетие, а может, даже и не один век, у меня складывалось впечатление, что мало кто знаком с этой работой, если вообще знает о её существовании. Скорее всего, она выпущена малым, довольно ограниченным тиражом, если вообще, не является единственной и неповторимой в своём роде. Это явно не массовый экземпляр – не исключено, что она оформлялась и создавалась вручную мастером своего дела. Должен признать, раньше я не встречал подобных книг. Никогда. Даже тогда, когда она лежала на крайнем уголке столика, я ощущал некую, невиданную ранее мне силу. Она звала меня – она жаждала меня...

Настроение. Атмосфера. Восприятие. Как и второе, так и третье в равной степени влияют на первое – восприятие формирует и взращивает наше настроение, атмосфера же – создаёт для этого наиболее благоприятнейшие условия. И кто знает, каким восприятием обладает каждый из нас, и в какую атмосферу он умудрится попасть – наше настроение непредсказуемо. А ведь настроение – прямой ключ к нашему сознанию, к нашему рассудку...

На тот момент мне было сложно сказать, что же это было – перевозбуждение от предстоящей встречи с великим и неизведанным, или же книга действительно звала меня. Кто-то скажет, что я начинаю потихоньку сходить с ума. Так или иначе, я одно могу сказать точно – в тот момент я испытывал особые переживания, не испытываемые мною ранее. Атмосфера в ту ночь была особенной, восприятие же моё было нацелено на встречу с новым. Ведь настроение прямой ключ к сознанию, разве нет?

Что же, пора было начинать. То особое настроение, в котором я тогда пребывал, очень сложно сравнить с чем-либо. И всё же, на долю секунды я отвлёкся от всяких мистических предположений – меня очень сильно беспокоил один вопрос – почему же он мне доверил такую ценную находку, которая, я не побоюсь высокопарности этих слов, – ни много ни мало чуть ли не настоящий памятник истории. Он видит меня, чуть ли не второй раз в своей жизни, и тут же отдаёт то, что может содержать в себе всё. До сих пор меня мучает чувство вины за то, что я не смог по-человечески поблагодарить его. В наше время доверие к незнакомцам – вещь опасная. А доверять такое – я даже не знаю, что это – либо он полный безумец, в чём я очень сильно сомневаюсь, либо он увидел что-то особенное во мне, на основании чего он решил доверить это мне. Всё же, он человек немолодой и опытный, знающий толк в людях – это было видно по его взгляду. Да и в прессе я мелькаю, чуть ли не каждый день – слож-

но пропустить меня мимо глаз. Ну, есть ещё и третий вариант, третий путь, но о нём мне сейчас не очень хочется говорить. По крайней мере – пока. Тем не менее, на тот момент я сошёлся на втором варианте. Всё же, когда приеду обратно, надо будет навестить его, совершить визит вежливости, поделиться открытиями. Ну и, разумеется, сделать ответный подарок – так сейчас принято. Но не потому, что я формалист, но только лишь потому, что искренне испытываю чувство благодарности и человечности к нему. Обязательно навещу его одним из первых по приезду.

Доверие. Ложь. Судьба. Доверяясь другим, мы подвергаемся лжи. Сами же мы лжём потому, что не доверяем другим. И то и другое предопределяет нашу судьбу. Увы, именно такова судьба современного общества – не доверяй никому, лги всем.

Человечность – как много тёплого и приятного в этом слове. Оно успокаивает. Оно обнадеживает. Но как же мало сейчас в людях человечности... А это в наше время высоких технологий, когда человек способен переплыть с одного материка на другой, создать чугунного монстра, способного передвигаться на неслыханные для лошадей расстояния! Но время идёт, летит прогресс, а человечество ни капельки не меняется. Ведь ещё в античные времена Диоген ходил со своим фонарем и искал человека. Нашел ли он его? Одному Диогену это известно. Но я, кажется, нашёл. Кто-то, может, скажет, что я был слишком сентиментален в тот момент,

но я могу сказать прямо – тогда я пребывал в особом настроении от этой книги. Нет, я не оправдываюсь. Это не меняет ключевым образом суть сказанного – мало кто сейчас решится подать яблоко или шиллинг нуждающемуся, – не то уж, что такую ценную книгу. Это всё, конечно, хорошо, но не надо впадать в сентиментальность и человеколюбие, ведь раз он так поступил – значит у него есть на то свои причины.

Относясь к людям плохо – мы играем против себя. Относясь к людям хорошо – мы играем против себя вдвойне. Надо быть очень скрупулёзным и проверять каждую мелочь на особый лад. Ведь *is fecit cui prodest*⁴. И здесь это тоже вполне допустимо.

Отбросив все лестные размышления и суровые подозрения в сторону, я решил достать из чемодана лупу, карандаш и лист бумаги – надо было разобраться с названием. В такой кромешной тьме это будет трудно сделать. Но читать такую работу без названия – то же самое, что идти по адресу, не зная самого адреса. А вопрос с действиями профессора мне сейчас никак не решить – это можно будет сделать, только встретившись и поговорив с ним. Этим я займусь тогда, когда приеду обратно, а теперь – за работу!

Как я уже отмечал ранее, освещение в купе было довольно скромным, и рассмотреть название здесь было довольно сложно. Но это надо было сделать. Необходимо. Собравшись с мыслями и сосредоточившись, я начал внимательно осмат-

⁴ *лат.* Сделал тот, кому выгодно.

ривать лицевую часть сего творения. Да, мои предположения о первой букве, сделанные ещё при солнечном свете, подтвердились – это была явно буква «Д». Она была, пожалуй, единственной буквой, которая едва, но сохранилась в читабельном для человеческого глаза виде.

Дорога. Доверие. Двуличие. Много ассоциаций в нашем уме может породить эта буква. Идя по своей дороге, мы часто доверяемся другим, становясь тем самым жертвой двуличия...

Со второй буквой дело обстояло посложнее – поднеся книгу вплотную к лампе, я так и не смог рассмотреть её – она было в довольно плачевном состоянии. Единственное, что отчетливо бросилось мне в глаза – так это её явная округлость. Ассоциативно сразу на ум начали приходить буквы «Б», «С» и «О», но это были не они – «Б» и «С» явно отбрасываются по смыслу, ведь очень мало слов можно найти, которые начинаются на «ДБ» или «ДС», если вообще возможно. По крайней мере, я таких слов не знаю. Буква «О» вполне допустима. Что же, надо было воспользоваться помощью увеличительного стекла. Поднеся лупу к книге и прищурившись, всё же, я заметил, что округлость замыкается. Да, это явно был круг. Но это была не буква «О» – внимательно прищмотревшись, я заметил слева едва уловимую вертикальную черту. Нет сомнений, это буква «Р».

Раскрытие. Решительность. Рассудок. Мы раскрываем неизведанное благодаря нашей решительности. И неизвест-

но, как это раскрытое отразится на нашем рассудке...

Значит, «ДР». Что же, довольно интересно. Неужели название работы... «Друиды»? На некоторое время я крепко укоренился в этой убеждённости. Ради интереса я решил сначала пересчитать все символы, ведь, если их окажется шесть – то это наверняка то слово, о котором я подумал. Два символа уже есть, оставалось, по этой логике, четыре. Я долго разглядывал верхнюю часть обложки, пытаясь не просто различить символы, но и посчитать их. Думая о том, что так я смогу сэкономить время, я, в итоге, потерял его. Было довольно сложно провести границу между символами – уж совсем едва они были различимы. В итоге, спустя несколько минут, я пришел к мысли о том, что на верхней строчке все же семь, а не шесть символов. По крайней мере тех, которые я смог уловить. Неужели просчитался? Нет, повторный пересчёт привёл к точно такому же результату – здесь явно было как минимум семь символов. И что более интересно, строчкой ниже было такое же едва заметное углубление, словно от печати при тиснении, как и на строчке выше. Возможно, это было продолжение названия. Но его я явно не мог разглядеть – время не пощадило эту книгу, не оставив на нижнем строчке и маленькой неровности или шероховатости. Ладно – отбросив сомнения и лишние размышления, я решил продолжить разбирать символы.

Уверенность. Отвлечённость. Заблуждённость. Эти три качества преследует нас всю нашу жизнь. Стоит нам стать

уверенными в чём-то, мы способны отвлечься от чего-то важного и другого, так и вовсе, встать на путь заблуждений. Заблуждаясь, мы испытываем крайнюю степень уверенности в себе, отвлекаясь от чуждого нам и нашему сознанию...

С третьей буквой дела обстояли проще – прослеживались три горизонтальных линии на равноудалённом вертикальном расстоянии друг от друга. Нет никаких сомнений, что это была буква «Е». Вариант с «Ё» мною даже и не рассматривался – это явно был не дрём, поскольку здесь минимум семь, а не четыре буквы, а других слов я на тот момент с таким порядком букв не припоминал. Да, дрём – очень хорошее слово. Оно отчётливо передавало суть моего сознания на тот момент – оно дремало, и ему ещё только оставалось выяснить самое тайное...

Единство. Единение. Единица. Будучи едиными, мы приходим к единению. Отказываясь от единства, мы становимся единицами, осуществляя единение с самим собой...

Уже вырисовывалась картина о том, что же это за слово, но необходимо было и дальше продолжать анализ, дабы избежать сомнений и разночтений. Рассматривая следующую букву с помощью лупы, я заметил два полукруга на вертикальном расстоянии друг от друга – здесь была буква «В».

Верность. Вдохновение. Величие. Верность чему-либо, какой-то определённой ценности вдохновляет нас, и если мы сохраняем верность этим идеям, оставаясь вдохновлёнными, это неминуемо приводит нас к величию. Ведь такова

справедливая в данном случае природа человека – неубеждённым и недоверчивым, невдохновлённым ничем грозит вечное забвение...

В голове у меня возникло слово «Древность», но оно не подходит по количеству букв – в нём девять букв, тогда в самом слове, как я полагаю – семь. Конечно, есть предположение, что два символа были в настолько плохом состоянии, что их невозможно было заметить, но я сошёлся на мнении, что это какая-то разновидность данного слова, вариация, где семь букв. И я оказался прав. Взяв листок бумаги, на который я записывал буквы, я приложил его другую, неисписанную ранее сторону на рельеф букв и аккуратно, медленными и точными движениями, словно хирург, провёл карандашом по бумаге, дабы перенести рельеф на неё. Это слегка облегчило чтение символов, но именно слегка – особых изменений это не принесло. Следующим символом была буква «Н», что подтверждало мою убеждённость в написанном слове. В голове прозвучало слово «Начало». Действительно, всё самое интересное только начиналось...

Сосредоточиваясь на одной дороге и решительно идя по ней наедине со своим рассудком, можно заметить множество интересных вещей, недоступных другим людям. Порою так и кажется, что их волнует только суета. И что ещё более печально, так это то, что это не кажется – так оно и есть на самом деле. В суматохе и спеху, будучи поглощённым рутинными делами, человек неспособен замечать и различать

мелочи. Да и в принципе, они ему и не нужны. Ведь, какие размышления, какие мелочи, о чём это вы – надо же заниматься рутинным и обыденным...

Далее в следующей букве отчётливо прослеживалась диагональная линия – словно деревянная планка от забора из штакетника. Нет никаких сомнений, что здесь была буква «И».

Иллюзия... сколько иллюзорного можно заметить за время своей жизни – от оптических обманов и миражей, вплоть до того, что тебя окружает и поглощает. И самое интересное, что это становится не иллюзией – это становится реальностью...

С последней буквой проблем не было – не было никаких диагоналей, чтобы можно было констатировать слово «Древний», хотя, по смыслу, оно бы здесь прекрасно подошло – что же это, как не древний фолиант или трактат? Нет, здесь были видны, пусть и не в таком отчётливом виде как прежде, всё те же самые три вертикальных полосы, правда, сильно потертые по бокам.

Да. Это были слово «Древние».

Древние... но древние что? Или кто? Внизу, как я уже сказал, оставалось место, и наверняка там что-то было. Какое-то слово. Опять же, это предположение – его могло там вовсе и не быть, а место там было оставлено для эстетической красоты обложки книги. Хотя такая мелочь едва ли бросалась в глаза – она итак поражала своим величием и мудростью,

исходящими от неё. В любом случае, сейчас я этого точно не узнаю, по крайней мере – пока. Если вообще, узнаю.

Что же, начало было положено, тон был задан. Древнее – значит то, чего уже нет. Или, скорее всего, нет. То же, чего давно нет, или почти нет, заранее говорит о том, что знают о нём лишь немногие. Если не единицы. Мне была дарована уникальная возможность стать одной из этих самых единиц, которые прикоснулись к этой книге. Несмотря на весь довольно плачевный вид, я бы не сказал, что она находится в таком состоянии из-за того, что была у многих в руках – очевидно, что потёртости и шероховатости были вызваны её возрастом.

Так же как и человек, книги имеют особенность стареть. Как и кожа человека с годами становится хрупкой и морщинистой, так же и кожа книги становится совершенно другой, причём, в буквальном смысле (книга была в кожаном переплете). Но есть одна очень важная особенность – человек, как правило, но не всегда, стареет не только физически – он стареет и духовно. Превращается в некую мямлю, которая несёт всякую сумасбродную ересь. Общество в бытовом своём общении дало хорошую характеристику такому человеку – «старый пердун», прошу простить меня за мою вульгарность. Хоть мне и не свойственно так выражаться, здесь же важно было показать самую сущность явления. Так вот, людям свойственно стареть духовно, превращаясь в вот таких вот стариков. Но не всем. Тот же, кто всю жизнь про-

вёл в поисках и решениях, тот, кто сохраняет трезвость рассудка и упорно избегает суеты, тот явно не будет удостоен данного «титула» – ведь здесь важно его сознание. Здесь важен его настрой.

Тот странный проводник, его явно нельзя отнести к данной категории – обычному человеку мало о чём скажет его вид и поведение. Так сказать, обычный проводник преклонного возраста, ничего более. Я же видел в нём человека, явно умудрённого в жизненном опыте, что достойно огромного уважения. Даже, несмотря на свою рутинную работу, а именно работу проводника, где постоянно приходится иметь дело с людьми, он сохранил свой рассудок. И тут напрашивается два варианта – либо он далеко не всю жизнь работал проводником, устроившись, так сказать, на старости лет на такую относительно непыльную работу, либо же он, как не странно, совсем не проводник...

Также как и люди, книги стареют лишь физически, но книги не стареют духовно – они лишь становятся могущественнее и сильнее с течением времени. Как сказал глубокого уважаемый мною достопочтенный сэр Фрэнсис Бэкон – «Некоторые книги следует пробовать, другие проглатывать и только немногие – пережёвывать и переваривать». Те тривиальные книги, которые я взял с собой в дорогу, были из первой категории, в то время как эта самая – из последней. Причём, изучать и переваривать её мне предстояло ещё довольно долго и тщательно – только что, разобравшись с на-

званием, да и то, наверняка не до конца, я уже испытывал определённую утомлённость. Эта книга поглощала меня, забирая все мои жизненные силы. И, как мне казалось тогда – это перевозбуждение от предстоящей встречи с неизвестным. То, что способно разорвать в клочья рамки сознания и унести разум в невиданные странствия. Возможно, так и было. А возможно и нет. Это мне только предстояло выяснить.

Поезд всё ехал. Дождь всё шел. Ливень становился всё плотнее, полируя окно струйками воды. Сказать, что лило как из ведра – ничего не сказать. Создавалось впечатление, что я нахожусь не в вагоне поезда, а в настоящей «подводной» лодке, которая в шторм плывёт по неизвестному направлению. Я всё больше отдалялся от того городка, где мне приходилось работать. Дорога, тем не менее, начинала поражать меня своим новым пейзажем – он сменялся на холмистые леса с редкими и маленькими болотами. Также, здесь было полно земель, которые прекрасно подойдут для сельскохозяйственных угодий. Но в этой части Англии они не были разработаны – надо что-то делать с болотами. Хоть здесь они и редко встречались, но, тем не менее, они не позволяли создать большие угодья. Нельзя забывать и про холмы. Но это не преграда для природных сил, которые царили здесь во всей своей красе. Словно я оказался в королевстве первобытной земной красоты...

Судя по всему, мы проезжали Йоркширское графство.

Поезд поспешно проехал Йорк, столицу графства – в эту сторону его жителям сейчас ехать не было особого смысла. Я настолько был увлечен расшифровкой названия книги, что даже и не заметил того, как мы проехали этот славный городок. Абсолютно. Странно. Обычно я сразу замечаю такие мелочи и не упускаю шанса насладиться красотой новых городов...

Я, конечно, не знаток географии Островов, но меня всегда привлекала особая красота британской природы. Леса, поля и луга, холмы, горы и болота, озёра, реки, и, конечно же, острова – всё это поражало своим многообразием, а также историей – ведь жизнь здесь бурлила ещё задолго до Римской Империи. Нельзя не сказать и про климат – Альбион славится своей туманностью, сыростью и дождливостью, а также холодной и пасмурной погодой. Особенно осенью. Да, такое может понравиться не многим. Но я никогда и не соотносил себя со многими. Мне такое нравилось. Это была моя стихия.

Как я уже сказал, я не был ни картографом, ни знатоком территории Англии. Но судя по всему, мы сейчас двигались по самой левой границе Йоркшира. Слева находилось графство Ланкашир.

Ланкашир и Йоркшир. Два графства, две династии – Йорков и Ланкастеров. Сразу вспоминается война Алой и Белой розы, унёсшая множество жизней храбрых англичан несколько веков назад. Да, действительно, это настоящая трагедия

для английского народа – слабость короны стала хорошим поводом для Ричарда Йоркского бросить вызов королю Генриху VI с требованием английского трона. Тридцать лет шла война Роз. Алая роза олицетворяла династию Ланкастеров, в то время как Белая роза – Йорков. До сих пор на флагах графств сохранились эти символы. В итоге, обе династии пришли в упадок – никто не победил. Пришла новая сила, новая династия – Тюдоры. И, опять же, с Розой в качестве символа...

Оставалось совсем немного до вала Адриана – совсем скоро поезд пересечёт его, словно гордый римский легионер, устремившийся вдаль на север. Вперёд, к границе с Шотландией!

Пока поезд мчался, словно стальной дьявол, я решил перейти к самой книге, а именно – к её содержанию. Хотя у меня и не дрожали руки, я очень аккуратно открыл книгу, перевернув обложку. Открылась не просто книга, открылась даже и не дверь – открылась целая история...

Как правило, практически в каждой книге указываются выходные данные – где, когда и кем отпечатано, каков тираж, а также прочая техническая информация. Меня удивило, что вся эта информация отсутствовала. Значит, мои предположения подтвердились – книгу сделали вручную, не в типографии. Что довольно сложно, учитывая то, что она в твёрдом кожаном переплёте. Ещё бы – такой объём как здесь не издашь в мягком переплёте, да и уровень не тот – сра-

зу понятно, что это серьёзная работа. К сожалению, по этому же обстоятельству отсутствовал и лист с названием книги – сразу шёл текст. Шрифт был довольно маленький, и местами – побледневший и смазанный. Как и первое, так и второе хорошо объясняется – за столько лет, пожалуй, любая книга утратит свой былой вид. А смазанность – тем, что её усердно читали, перелистывая страницы пальцами рук.

Сама же книга мне очень сильно напоминала Библию – тоже очень большой объём книги, мелкий шрифт, особая аура книги. Но если Библия у всех ассоциируется с чем-то светлым, и немудрено, что раньше, да в принципе и сейчас, некоторые люди свято верят, что одного её вида достаточно, чтобы отпугнуть злые силы, то эта книга вызывала явно противоположные впечатления. Словно, царство тьмы окружало её, и она притягивала и манила к себе все тёмные силы...

Да, именно с таким настроением я пришёл к её изучению. Что же, пора было вчитываться. Первая страница, как я понял, содержала в себе что-то вроде введения. Я погрузился полностью с головой в его чтение.

«...тем не менее, моя задача здесь довольно проста, и в тоже время – довольно трудна. Я должен сделать то, что мы все с Вами прекрасно знаем – нужно написать нашу историю. Рассказать и закрепить для наших будущих поколений то, что мы знаем, и то, как мы жили. Хоть это и не составляет труда, и каждый из нас отлично знает то, что было сотни и тысячелетия назад, это надо записать.

То, через что нам всем скоро предстоит пройти, Вы все прекрасно понимаете. Это и побудило меня к этому титаническому, с точки зрения важности, труду, но элементарному, с точки зрения фактического изложения. Неизвестно, сможем ли мы вернуться. Неизвестно, чем это всё завершится. Это знают все. Но у нас не остается другого выбора – надо уходить. Эта книга никогда не должна попасть в руки к людям, в руки к Новым. А посему, её нужно тщательно хранить, не подпуская их к ней ни на шаг. Она – истина нашего народа. То, где изложено всё то, что есть Мы. Как Мы жили, как Мы развивались, как осваивали эту одну из древнейших земель. И если Он так решил – Он решил, что Мы должны уйти – так этому и быть. Повторюсь – никто из Новых не должен знать о ней. И если кто-нибудь из них и узнает о ней, прочтёт хоть одну страницу – он должен быть подвергнут процедуре. А посему, храните её бережно, помните и чтите Нашу Историю и Его, и не забывайте, что Наша Борьба ещё не закончена...».

Сказать то, что я испытывал леденящий саму душу страх и неизведанность, подкреплённые щепоткой чистого и искреннего интереса, читая эти строки – значит, ничего не сказать. Очень мощное введение! Я уже начал теряться в догадках – что это, чёрт возьми, сейчас было?! Это... бред сумасшедшего?! Или... ересь сектантов – поклонников тёмных сил?! Что же это... что же??!

Я на секунду отдёргнулся от книги. Мои ладони вспоте-

ли, левый глаз начал дёргаться. Сами руки не тряслись, но я чувствовал некие побуждения и призывы организма к этому, но тщательно сопротивлялся, продолжая удерживать себя в руках настолько, насколько это было возможно. Дыхание было ровное, но затруднённое. У меня в голове, словно неупокоенные души, крутились два вопроса. Первый я уже озвучил. Второй же гласил – что же будет теперь? К чему это приведёт? Чтобы это не было, я попал в очень серьёзный переплёт. Быть зарезанным сектантом, или же потратить все свои силы на оторванные от реальности бредни безумца, мне не хотелось. И это меня пугало. Этот страх был очень интересным, и я могу сказать смело, что тогда испытал его первый раз в своей жизни. Он не был похож ни на что. Моим единственным звеном ко всему этому – к пониманию того, что же это такое, был профессор. Теперь я понимаю, почему он так поспешно удалился – если бы я тогда узнал, что это за книга, я бы точно не поехал в эту поездку. И раз он мне дал её тогда, значит, она как-то связана с этим делом. Если же это бред, почему такой человек поспешно даёт мне эту книгу, зная мои планы на ближайшее будущее? А если же окажется, что эти якобы «римские» развалины окажутся... Бог мой, моя фантазия, мой полёт мысли, мой рассудок уже на грани.

В какой же круговорот событий я попал...

В любом случае, не было ни времени, ни возможности, ни даже элементарного желания впасть в уныние и отчаяние –

надо было разбираться. Тогда я был, с вероятностью в семьдесят-восемьдесят процентов, уверен, что это есть самое что ни на есть настоящее безумие. Но остальные двадцать-тридцать процентов подначивали меня, заставляя читать странную работу дальше. Господи, и неужели я потратил все свои силы на эту шизофрению? Так мне казалось тогда.

Сомнение. Страх. Отчаяние.

Неизвестность. Интерес. Желание.

Отрешённость. Убеждённость. Стремление.

Надо было разбираться дальше. Даже если бы я и хотел сейчас бросить всё это – не выпрыгивать же в окно поезда на ходу. Да и заняться больше нечем, кроме как чтением этого... литературного памятника. Может, я слишком предвзято и скептически отреагировал на него, но надо разбираться. Только так я сейчас смогу что-либо предпринять.

Значит, книга про историю. Историю некой древней цивилизации. Судя по всему, настолько древней, что людей они называют «Новыми». Но если люди это «Новые», то они тогда получаются... не люди? В каком плане здесь используется эта категория – в буквальном или фигуральном смысле? Как я полагаю, в фигуральном, так как для меня в общем то ясно, что, скорее всего это настолько «Новые», что полностью отличаются от них, или же потеряли весь свой облик. А вот мысль про буквальный смысл, по мне так, пахнет явным безумием...

Рассудок – колыбель разума. Но разве можно всю жизнь

прожить в колыбели?

Вопросы, словно пытливые рыцари, продолжали осаждать мой рассудок. Кто такой Он, что это за Процедура, да и в принципе, кто такие «Мы»? Надо было продолжать – надо было читать дальше.

Книгу наизусть я не заучивал. Никогда не понимал и не любил зазубривание – ведь главное не зазубрить что-то, а понять. Понять, осознать, проанализировать. Но введение я запомнил наизусть на всю свою оставшуюся жизнь, хотя такой цели я явно не ставил – даже сейчас, спустя год, я могу с точностью вплоть до запятой воспроизвести его. Возможно, сказалась особая атмосфера, да и сам текст – не каждый день такое прочитаешь. А точнее – и вовсе никогда.

Я просто сидел и читал. Ловил каждое слово, пытаюсь понять и осмыслить каждое предложение. Строил умозаключения и догадки. Порою, думал над одним предложением около десятка минут, пытаюсь понять смысл, что же здесь имелось в виду. А дождь, и без того сильный и мощный, словно могучий гладиатор на римской арене, продолжал бить по окнам. Грозы участились – судя по всему, мы ехали в строу эпицентра дождя. А я читал. Задумывался, погружаясь в Бездну...

Свет из Бездны. Он придёт. Он тот, кто прольёт свет на всё происходящее вокруг. Свет из Бездны...

Как я понял, здесь рассказывалась история Древних – древней цивилизации, существовавшей неслыханное мно-

жество лет задолго до нас.

«...Мы царствовали над миром. Он был нашим. С незапамятных времён, которые Мы помнили и чтили. И были здесь только Мы. Никого кроме нас. Мы – единственные, кто жил здесь. Мы пришли на эту Землю. И Он вёл нас вперёд. Под мудрым правлением Его Мы развивались и крепили, становясь сильнее. Но Он ушёл, ибо так было решено Им. Он завещал Нам бороться. Он погрузился обратно – туда, откуда Мы и пришли. Туда, откуда Он и привёл Нас. И стал ждать. Ждать своего часа. И ждёт он его и по сей день. И время его придёт...»

Получается, это некая цивилизация Древних, под предводительством Его. Кто же Он такой? На первом десятке страниц мне так и не повстречалось никакого упоминания о нём. Судя по всему для того, кто написал эту книгу, а также для тех, на кого она была рассчитана, Он был итак достаточно известным и важным для них. Как, пожалуй, Иисус для современных европейцев, или как Моисей для правоверных иудеев.

«...И погрузился мир в вечную борьбу. Прошло не так уж и много времени, как Одни Мы стали нападать на других Нас; шла вечная резня. Жертвы были немыслимые – целые десятки Нас пали. Но Он не появлялся. Он ждал. И ждёт по сей день. Мы думали, Мы надеялись, Мы ждали. Но не все Мы понимали, что происходит. Мы проиграли эту битву. Часть Нас решила уйти. Так Мы и поступили...»

Десятки... в каком смысле десятки? Десятки тысяч, или десятки в прямом смысле слова? Уж явно маловато жертв для вечной резни, что их так поминают, словно пали сотни тысяч и миллионы, если же жертв резни реально десять или чуть более. Или та цивилизация была настолько совершенна и продвинута, что даже смерть одного была для них фатальна? Или для них сам факт братоубийственной борьбы встретился впервые за всю историю? И что же это за борьба такая?

«...Нас погубила алчность. Всё было Всем. Наши технологии не знали границ. Наша наука давала ответы на все вопросы. Наши рабочие освоили всё. Всё было общим, и всё было для Всех. Каждый владел Всем, но никто не владел Ничем. Желание одних владеть единолично привело к кровопролитию. Он не вмешивался. И постепенно те Мы, которые нарушили это сакральное Правило нашего народа, начали борьбу – и против Себя, и против Нас. Мы разделились. Это были не те наши Старые ценности, с которыми Мы пришли сюда. Они стали Другими. Они стали Новыми. И Мы, Старые Мы ушли обратно, оставив Новых Мы в их вечной убийственной борьбе...»

То есть, получается, что Древние были настолько могущественны, что освоили всю Землю, а позднее, после Его ухода, появились предатели – так сказать, сторонники «частного», и между ними началась грызня за всё? Произошёл цивилизационный разрыв? Интересно...

«...Новые Мы очень быстро пришли в упадок. Их деграда-

ция и регресс не знали предела. С каждым годом они разрушали нажитое тысячелетиями – всё рушилось. Пали наши творения – Земля разрушилась. Примитивизация шла полным ходом – не осталась ровным счётом ничего. Почти ничего. Старые Мы смогли сохранить несколько мест, чтобы иногда находится здесь и смотреть со стороны за их вырождением, контролировать процесс. И тут появились Новые, которые и победили Новых Мы. Новые цивилизации, более могущественные и сильные, более совершенные, чем вырожденные Новые Мы, но значительно более слабые и несовершенные, более уязвимые, чем сохранившие преданность Старые Мы. И Новые Мы погибли. Пали почти все, за исключением немногих. Началась новая история – история человека. Мы полностью удалились отсюда и больше не появлялись...»

На этой ноте и заканчиваются эти страницы с описанием истории Древних. Как я понимаю, это не прямой текст, а лишь отрывки из их летописи, кем-то искусно подобранные. Это книга – не прямое произведение автора сей работы. Это – сборник материалов, где некий неизвестный нашёл и сложил воедино все эти детали. Составитель явно человек. Хотя, о чём это я, скорее всего и те самые Древние, если они, конечно же, на самом деле существуют, тоже люди. Скорее всего, скорее всего...

Что же это был за текст, который был написан вначале? Введение к этому фолианту? Нет, вначале было не введение

к работе, так сказать, от составителя, нет. Это – введение к некоему сакральному тексту, отрывки из которого я только что прочитал. Это – часть единого целого. А вынесено оно вперёд потому, что с этого и начинается эта объёмная работа.

Если суммировать, получалась довольно интересная картина – Древние пришли на Землю и начали её осваивать. Ими руководил Он – некий выдающийся деятель Древних, их предводитель. Всё шло успешно, и Он решил уйти. Почему – пока неизвестно. Но у Него явно были на то свои причины, раз Он поступил именно так. Он ушёл. Древние продолжали развиваться, но спустя некоторое время появились некие отщепенцы, отказавшиеся от древних правил и норм, которые были у них ещё задолго до прихода на Землю. Эти правила неизвестны и нигде пока что не упоминаются. Но раз Древние смогли достичь таких высот, то получается, правила были, простите за тавтологию, правильными. Иначе как объяснить такой неопишуемый прогресс, невиданный ни одной человеческой цивилизации? Если Древние настолько совершенны – значит, они смогли это сделать. А их ценности – тоже часть этого процесса. Известно лишь, что всё у них было общим – получается, что у них не было такой вещи, как частная собственность. Древние были... коммунистами?! Применив этот неологизм, мне сразу вспомнился эпизод из прошлого, когда я ещё до того как пересёк Пролетарский мост жил во Франции и мне приходилось писать о движении,

называющем себя сторонником идеи *commūnis*⁵, которое зародилось во Франции около двух десятков лет назад. Если вернуться к Древним, то получается, что по основной сущности всё сходится. В плане частной собственности, разумеется. В итоге, появились Новые Древние, которые решили отказаться от этого принципа по необъяснимым причинам, желая иметь только своё. Старые Древние этого не приняли и решили уйти. Новые Древние... кхм... если можно так выразиться, оказались... классическими либералами? В этом вопросе получается, что так. И начался регресс – началась деградация. Всё то, что построили и достигли Древние ещё до разделения – основательно разрушили Новые Древние, в то время как Старые Древние решили устраниваться от этого. Почему? Невозможно было просто взять и перебить Новых Древних? Ведь, даже по их описанию понятно, что они были слабее Старых Древних. Но они просто взяли и ушли. Точно также как и Он. Но... почему? Я пока этого понять не могу. Явно дело было не в бессилии. И явно не это всё делалось не просто так. В нашем мире просто так даже мыши не размножаются. А что говорить про Древних...

Вырисовывалась довольно интересная картина. Всё-таки получается, что Древние это не люди? Пока неясно, но всё больше и больше я начинаю убеждаться в этом. Саму работу явно писал человек – язык человеческий, да и написано не настолько давно – работа старая, но не древняя. Получа-

⁵ лат. Общий.

ется, что «Древние» – это некая историческая работа, описывающая историю Земли, которая и начинается с Древних. И кто же её написал? Уж не сам ли...

Очередной удар молнии! Очень громко и очень близко! Чуть ли не по вагону! Учитывая, в какой обстановке я сейчас нахожусь, так можно и подштанники испортить. Но, явно, не мой случай. Но испугаться я успел – благо книга лежала на столике, я бы однозначно её уронил. Второй раз я изучаю эту книгу, и второй раз вблизи меня хлещет молния. Но на этот раз было не так сильно, как у меня дома. Уж слишком сильно я перевозбудился – уж слишком много я прочитал. Сердце стучало. Это чувствовалось. Воздух был тяжёлым. Это ощущалось. Мне нужно было передохнуть. Перевести дух, привести в порядок рассудок. Так действительно можно стать и пациентом не очень приятного учреждения.

Достав свои карманные часы, я немножко пришёл в замешательство – на часах было около четверти третьего. Ну и засиделся же я! Вроде казалось, что это всего лишь несколько отрывков, пару десятков страниц, но не так же долго! Походу, настроение диктует временные рамки. Надо было идти спать. Но сна не было ни в одном глазу. После такого довольно сложно будет заснуть. А ещё и эта Процедура...

Я решил рассмотреть то место, где поезд ехал сейчас. Было много болот. Одни болота. И кромешная тьма, едва позволяющая разглядеть то, что находится буквально в метре от поезда. Но я пытался понять, где же мы.

Определённо, это было графство Нортумберленд. Оно славится своими болотами. Это, получается, мы уже пересекли вал Адриана – обидно. Опять я проглядел! Неужели эта книга начинает менять меня? Впереди был ещё один вал – вал Антонина. Но его, я так понимаю, я сейчас вряд ли увижу – уж слишком поздно будем его проезжать – спать ведь всё-таки надо. Ничего, благо есть ещё обратная дорога.

Нортумберленд – какое хорошее место! И я сейчас не про болота, хотя они придают особый колорит этому месту. Здесь раньше находилось некогда могущественное королевство Нортумбрия, созданное Берницией и позднее объединившейся с Дарией. Берниция территориально практически соответствовала графству Нортумберленд. В итоге, Нортумбрия просуществовала вплоть до конца девятого века, до нашествия викингов. И викинги не дураки – они знали толк в землях, ведь тогда это была довольно богатая территория. Сейчас же Нортумберленд – одно из множества графств, ничем не примечательное, разве что кроме того, что на севере оно граничит с Шотландией. Да, путешествие по Англии подходило к концу – впереди Шотландия, и скоро вал Антонина будет пересечён. Но пора было идти спать – слишком о многом я задумался в эти минуты. Да, удалось отвлечься от всех тех настроений, но они никуда не делись – они лишь перестали быть явными, став скрытыми, работая на уровне подсознания. Но наш мозг от нас тоже скрыт – его мы не изучим никак, как бы мы старались его рассмотреть – он скрыт

черепом.

Надо было идти спать, иначе завтра я весь день прохожу как живой мертвец. Сложив чемодан и книгу под сидение, я постарался улечься поудобнее – главное не проспать приезда. Хотя такого и быть не должно, ведь проводник, как он сказал, предупредит заранее.

Надо закрывать глаза. Я их и закрыл. Надеюсь, не в последний раз.

Предстояла очередная встреча с неизвестным...

Глава VI: Сон

Что такое сон? Это – полёт фантазии, который уносит наш разум в невиданные странствия и путешествия. Только во сне мы можем совершить то, что невозможно совершить в реальности. И только сон способен показать нам то, что скрыто от нас. Маленькие детишки радостно ложатся спать в надежде на то, что Оле Лукойе раскроет над ними свой красочный зонтик, ведь они хорошо себя вели. Правда, никто не любит вспоминать, что у Оле Лукойе есть и брат-близнец, и его имя – Смерть. Закрывая глаза, особенно в преклонном возрасте, каждый из нас надеется, что ему придётся открыть их. Что он закрывает их не в последний раз. Смерть и сон очень похожи в этом плане – как и сон, так и смерть могут дать ответы на многие вопросы...

В ту ночь я долго не мог уснуть. Ворочался, крутился, чувствовал себя некомфортно. И не потому, что неудобное место – сон в поезде всегда успокаивает своими покачиваниями. Но только не в этот раз. Глаза я не открывал, усердно размышляя о прочитанном. Меня не смущало написанное, но меня смущало одно – то, что я теперь знаю это написанное. В голове летало множество мыслей, и ни одна из них никак не вязалась со сном. Время шло. Я думал. Я не спал.

Ожидание – вещь довольно интересная. Ожидая одно, очень часто оказывается, что происходит совершенно дру-

гое. И это никак не согласовывается с планируемым тобою. И тебе приходится принимать решения экспромтом.

Я лежал и слушал раскаты грома. Изредка чёрный цвет в глазах покрывался серой пеленой – вспышки молнии были отчётливые и яркие. И даже когда я отвернулся к стене, они всё равно продолжали доставать меня. Но шум дождя, разбавленный стучением рельс, успокаивал.

Мысли никак не давали мне сосредоточиться – уж слишком много было вопросов, что и порождало свои волнения. И вот, стук рельс прекратился. Странно – в это время поезд не планировал остановки. Я почувствовал падающие с неба прямо на меня капли дождя. Резко открыв глаза, я увидел то, что меньше всего ожидал увидеть – я лежал на огромном камне посреди болот. Как я здесь очутился? Я же был в вагоне поезда, а тут... такое. Поднявшись, отряхнув со своей одежды грязь, я начал осматриваться. Хм... Странно – этот камень какой-то неестественный. Он прямоугольной формы, словно рукотворно отточенный заранее. Будто бы какой-то некий каменный алтарь. Я начал его осматривать. Рядом со мной на алтаре лежала книга профессора – а она то как здесь очутилась? Я же оставил её под кроватью в поезде. Я быстро схватил её, дабы она не намокла – хотя, уже было поздно, ведь неизвестно, сколько я пролежал здесь. Книга, на удивление, оказалась довольно сухой. Может, это была другая книга? В любом случае, при таком то ливне рассматривать её не было смысла – не хватало ещё намочить и без

того изношенные страницы. Быстро спрятав её в пальто, я заметил, что на этом камне были выцарапаны некие символы. Описать их было невозможно – они не были похожи ни на один из известных мне человеческих языков, а я-то имею представление о многих языках. Это явно не европейская традиция и не романская группа, но однозначно и не азиатские иероглифы. Этот, если так можно выразиться, кхм... алтарь, был обнесён ими со всех сторон – словно они предназначены для того, чтобы сдерживать то, что должно на нём находиться. Или же наоборот – предупреждать о чём-то.

Я попытался дотронуться до них – они были выполнены довольно искусно, словно высверлены неизвестным мне инструментом высоким мощности. Они были точными, но в то же время глубокими – явно это искусная работа неизвестных человечеству мастеров. Нет, они не были выцарапаны – они были сделаны специально.

Все знаки были единого стандарта – словно, это один язык, один алфавит. Они были одинаковой высоты и ширины, за исключением нескольких длинных символов, которые, возможно, начинали предложение этого длинного и странного текста, являясь чем-то вроде заглавных букв. Я попытался провести рукой по ним, пытаюсь определить, что это за камень. Странно. Камень был довольно плотный и твёрдый – я никогда не встречал таких крепких минералов и пород. На вид он был серого цвета, а нижние слои, оставаясь серыми, отдавали коричнево-зеленоватым оттенком.

Словно его очень долго продержали в земле или под водой. А может, и там и там. В разное время.

Я попытался прислушаться к своим чувствам – оказывается, камень отдавал очень слабой и едва заметной пульсирующей вибрацией. Будто бы он был живой. Или, как минимум – особого акустического строения, что отражалось в этих колебаниях. Стоило мне чуть сдвинуть руку с углублений для символов, как вибрация пропадала. Словно вибрации издавал не сам камень, а эти знаки. Странно, очень странно. Собрав силу в кулак, я решился на несколько ударов по камню – он был довольно плотный, и даже от маленького и слабого удара по нему у меня слегка очень сильно заболела рука – словно, меня укусил коршун. Но, довольно маленький коршун – была не сколько боль, сколько чувствительность, как будто этот камень обладает идеальными отражающими свойствами, будучи чуть ли не *perpetuum mobile*⁶ – какую энергию от удара он получил, такую он и возвратил. Страшно представить, что будет с человеком, если он столкнётся с таким камнем, или же упадёт на него.

Но на этом странности не закончились – я абсолютно не слышал звука от удара по камню. Даже ни капельки приглушённого, еле издаваемого стука. Преклонив голову и прислонив ухо к камню, повторив процедуру, я всё равно ничего не услышал. Словно, он поглощал звук. Очень интересный камень. Очень.

⁶ лат. Вечный двигатель.

К сожалению, я оказался здесь без своего чемодана – листов бумаги у меня с собой не было, что не давало мне возможности перерисовать символы, поэтому я решил обойти алтарь и запомнить их.

Символов было ровно двадцать четыре. По десять с каждой большой стороны, и по два с маленьких сторон. Словно, каждый что-то обозначал. При этом, некоторые символы повторялись. Значит, это был не алфавит или какая-то систематизированная группа. Но каждый имел своё значение. И тут я обратил внимание на едва заметное свечение, исходящее от третьего символа – если смотреть от той стороны, с которой я встал. Оно было едва заметным, но постепенно, с каждой секундой свет становился чуточку сильнее. Он не мигал – он был монотонным. Что-то среднее между жёлтым цветом луны и сине-голубым цветом звезд.

Свет всё разрастался. Мне не очень комфортно было находиться здесь – кроме гнетущей атмосферы и проливного дождя, который только и делает, что льёт и льёт, меня напрягала сама обстановка, да и факт того, что я совсем недавно находился на... алтаре. Надо было убираться отсюда как можно скорее. Да ещё и это свечение – мало ли, не опасно ли оно. Но ослепнуть мне явно не хотелось – свет был очень ярким, и порою, явно неприятным для человеческих глаз. Надо было идти.

Бегло осмотрев местность, я увидел впереди едва заметный силуэт – словно это был некий замок. Да, по сути это

и был замок – отметил я прищурившись. Ну да, всё сходится, – успокаивал я себя, – в Англии и Шотландии полным-полно замков, и скорее всего там кто-то живет. Надо бежать туда. Хотя, что меня удивило, так это то, что там абсолютно не было света. Ни фонаря, ни даже скромненько горящего факела на башне. Скорее всего, все спят, ведь зачем в такую глубокую ночь свет? Надо было идти туда. В любом случае, как я люблю говорить, выбора у меня особо-то и не было.

Замок был словно чёрная картинка на горизонте. Я пытался уловить изображение замка, отбрасываемое светом от молний, пытался разглядеть его, но молнии были какие-то странные – я никак не мог сосредоточить и сфокусировать свой взгляд на замке, как будто это какая-то голограмма. Ладно, разберусь с этим потом, когда подойду поближе – надо идти, а то свечение от алтаря становится невыносимым.

Я побежал вперёд, перепрыгивая с одного камешка на другой. По ощущениям, как мне кажется, это точно такой же камень, из которого был сделан алтарь, или очень похожий материал – ноги уставали быстро, а звука ног я почти не ловил. Потихоньку перемещаясь по болотам, я старался не угодить в трясины – ведь если в такой глуши попал туда, то считай, что ты – покойник. Один раз я чуть не оступился, но благо хорошая реакция – успел переставить ногу, сманеврировать. А так гляди, что было бы – явно медленная и мучительная смерть. Но ничего – надо было двигаться дальше.

Я шёл по болотам. Сколько – мне не счесть. Но, пожалуй, не более пятнадцати-двадцати минут. Уже закончились болота – я шёл по лугу, причём – по лугу идеальной формы, со всех сторон одинаково ровному и гладкому. Спустя некоторое время я уже не видел позади себя болот. Везде был один зелёный луг...

А силы природы всё бушевали – словно я вторгся на их территорию и нарушаю их единение и покой. Я – словно конкистадор, потревоживший местные южноамериканские племена. Хотя, даже и не знаю, есть ли тут какие-то племена – создавалось стабильное впечатление, будто бы друиды наблюдают за мной из-за холмов. Но я не видел холмов – везде был чистый луг. Этот меня и тревожило. Хотя, какие ещё друиды? Я, конечно, понимаю, что эта часть Англии, особенно рядом с Шотландией, довольно слабо разработана, да и плотность населения здесь невысокая, но племя друидов здесь явно бы обнаружили! Похоже, что я сам накручиваю себя. Но, после этого... алтаря, меня уже ничего не удивит здесь. Хотя, в связи с тем странным камнем, друиды – это последнее, чего я должен бояться. Не это меня должно тревожить, не это...

А замок был всё далеко. Я шёл за ним, словно отчаявшийся бедуин за миражом в пустыне. Но это была зеленая пустыня смерти, где нет ничего, кроме лугов. Бывают песчаные пустыни – будь то всеми ненавистная Руб-эль-Хали, где, по языческим поверьям бедуинов, ещё задолго до Арабско-

го халифата, бродили демоны и нечистые силы, убивающие забредших в эти земли путников, будь то ледяные пустыни, покрывающие горы Скандинавии – кто знает, что там поджидает берсеркера и какая битва ему уготовлена, согласно скандинавскому язычеству. А это – тёмная зелёная пустыня, окружённая пустотой и неизвестностью. А ведь есть ещё, если так можно выразиться, и друидское язычество...

Я шёл вперёд, но замок не становился ближе. Я начал удивляться, и даже немного напрягаться – до страха оставалась ещё некоторая доля терпения, но явно было очевидно, что я был на взводе. Назад я старался не оглядываться, хотя чувствовал, что свет позади меня становится всё ярче и ярче. Дорогу осилит идущий. Ага – идущий, под дождём...

Делая шаг за шагом и пытаюсь уловить образ замка от грозы, я услышал очень громкую и сильную молнию – будто бы ударило прямо позади меня. Я вздрогнул – но не повернулся. И тут я осознал, что молния ударила прямо по алтарю – задержись я там ещё на некоторое время, не проснулся бы тогда, страшно представить, что со мною было бы. И тут я почувствовал, что свет прекратился – я не видел его слабого свечения впереди меня. Всё же, надо было посмотреть, что там происходило. И только я подумал о том, чтобы повернуться, как ощутил на левом плече знакомую мне руку и услышал знакомый, но едва человеческий, холодный голос.

– Рано, твоё время ещё не пришло...

Глава VII: Прибытие

Нет предела человеческой фантазии. Но в тоже время нет предела и человеческому страху. Эти две категории тесно взаимосвязаны и обратно пропорциональны – чем больше страх, тем скуднее наши фантазии, и опять же, чем меньше мы боимся – тем более смелые фантазии мы можем себе позволить. Но порою страх только и делает то, как даёт нам простор для новых переживаний...

Резким и нервным, но в тоже время уверенным движением я подскочил с кровати. Глаза мои были открыты. Голова разрывалась от боли, словно её хорошенько отфутболили. Что со мною было?

Поезд продолжал движение – было раннее и солнечное, но туманное утро. Местность была покрыта лесистыми холмами – без сомнений, это уже была Шотландия. В сознании неявно начала играть волынка, символизирующая эту холодную, но в то же время солнечную страну. Действительно, после минувшей ночи, Шотландия, которая славится своим гостеприимством, была радостным и приятным сюрпризом, неким призом за пережитое, если здесь будет уместно такое сравнение, подарком.

Надо было вставать, приводить себя в порядок и готовиться к прибытию. Но я не спешил – после этого... сна, я был весь не свой. Судя по карманным часам, было около 6 утра,

точно и не вспомню, что-то около, кажется, без десяти минут шесть. Несмотря на такое раннее утро (хотя и не самое уж и раннее – довольно часто я начинал свой день около четырёх утра, когда мало людской суеты), вместо того, чтобы испытывать прилив сил и бодрость духа, я был подавлен и сломлен – чувствовалась сильная усталость. Будто бы меня действительно выкинули из вагона, и я всю ночь лазил по болотам чёрт знает где. Этот сон – он навсегда отпечата­лся с моём сознании, оставив неизгладимое пятно в моём рассудке.

Очень часто мы не уделяем снам должного внимания. А, пустяки, нечего беспокоится – думаем мы. Мало ли, что нам может причудиться. А потом, когда происходит горе, мы очень сильно задумываемся над этим. Да и вообще, в целом, приходим к выводу – а надо ли было так рисковать, так запускать дело? Ведь, что если нам наше подсознание таким образом не просто сигнализирует, а кричит, орёт о беде? Но нет, наша самоуверенность не даёт ему дорваться до сознания, тем самым оставляя ему только такой способ донесения мыслей...

Я лежал и думал. Не было сил даже на то, чтобы сесть. Очень изматывающая ночь. Кто-то, может, скажет, что это следствие плохого сна – ведь поспал я что-то около трёх часов, плюс-минус. Тем более, в такой нервной обстановке. Как бы там ни было на самом деле, я всё больше начинаю задумываться о том, что это всё не какой-то бред, а целост-

ная, высокоорганизованная система. Слишком уж много допущений. Слишком. Я бы хотел верить, что всё это – безумие и ахинея сумасшедшего. Пусть даже и ценою своего собственного рассудка. И я до сих пор в этом убеждён. Но всё больше накапливалось во мне сомнений – всё больше я начинал отходить от своей старой позиции.

Смотря в окно и лежа на кровати, мой взор ловил раннее небо, аккуратно пробивающееся через густой и плотный туман. Солнце уже светило во всю силу, в какую только можно светить в это осеннее время года. Но, тем не менее, мало кто в это время сейчас бродит по улицам и наслаждается красивым рассветом – большинство людей спит. Может быть и правильно делают, набираются сил. Но сил к чему? К очередному сеансу таскания по городу в рутинных делах или сидению на пятой точке на бессмысленной работе? Это, как сказал бы батенька, неконструктивно. Непрагматично – так будет точнее.

Много мыслей в голове у меня было тогда. Ещё этот алтарь и какая-то Процедура... связано ли это как-то между собой? И что это вообще за сон? Плод моего воображения на грани нервного перенапряжения, или же опасный и тревожный знак? А та рука – я ведь чувствовал, что она была не человеческой. Да – антропоморфной, но не человеческой. Ледяной голос, мрачная атмосфера, да и само то, что было позади меня – всё это мне казалось очень знакомым. Будто бы я это где-то уже видел. В своей минувшей молодости...

Поезд неожиданно, но плавно начал тормозить. Неужели всё, приехали? Странно – обычно проводник должен заранее предупредить пассажиров, чтобы те смогли подготовиться к прибытию. У меня в голове появилось целых три предположения – либо это грубая бестактность и вульгарность проводника, заключающаяся в том, что он не смог вовремя предупредить пассажиров, включая меня, но это мнение в данном случае быстро отпало, так как на мой взгляд он был весьма компетентен для такой мелочи. Либо это просто не моя остановка, хотя по времени всё сходилось. Оставалась и третья, самая, пожалуй, странная версия – либо меня не разбудили потому, что просто не хотели, чтобы я прибыл на место назначения...

Я решил не подавать виду – посмотреть, что будет. Поезд остановился. Спустя некоторое время я услышал шаги в вагоне – явно проходил проводник. Шаги становились всё громче и четче, словно движение шло в мою сторону. Кто-то подошёл к моему купе.

Тишина. Спустя несколько секунд, звук шагов зазвучал вновь, и начал через некоторое время начала становится слабее – кто-то уходил от моего купе. Что довольно интересно, это была единственная остановка в вагоне. Именно напротив двери моего купе. Меня никто ни о чём не предупредил. Повернув голову, я заметил, что дверь в купе была слегка приоткрыта. Но я отчётливо помню, что я запирали её изнутри сразу же когда зашёл в купе и не открывал её! Кто-то лазил

в моем купе пока я спал?! Но... кому это надо?

Проводник, определённо, что-то темнит. Явно что-то задумал. Он остановился около моего купе, чтобы убедиться, что я всё ещё сплю? Судя по всему, он так и подумал, ведь я в этот момент лежал повернувшись к стене лицом. Но ведь тогда по всей логике вещей он должен был меня наоборот, разбудить!

Прозвучал приглушённый железный лязг – словно открыли дверь вагона поезда. Были слышны поднимающиеся шаги человека, но не такие сильные – это был либо ребёнок, либо женщина. Ребёнка одного на поезд не взяли бы, это даже ежу понятно. В вагон поднималась женщина.

– Доброе утро, мистер... – прозвучал звонкий игривый женский голос.

– Мисс, пожалуйста, не так громко, – едва слышимым шёпотом произнёс проводник, – пассажиры спят.

– Ясно, – продолжила мисс более тихим, но достаточно звонким голосом, – я следую из Джон О'Гроатс в...

– Да, я знаю – пройдёте со мною в следующий вагон, – снова поспешным шёпотом прервал её проводник, – Ваше купе там.

Дальше я услышал быстрые, но тихие шаги, словно проводник аккуратно повёл её вглубь вагона, к переходу на следующий вагон. Джон О'Гроатс – это же моя остановка! Я должен здесь выходить! Значит, моя бредовая гипотеза о том, что не хотят, чтобы я вышел здесь, оказалось железно-

бетонной истинной.

Я начал поспешно собирать вещи, стараясь аккуратно и незаметно покинуть поезд. Собрав всё, в том числе и особенно важную вещь – книгу, я быстрым шагом вышел из купе, прикрыв дверь ровно настолько, насколько она была открыта когда я проснулся. Но вот незадача – поезд уже тронулся! Никто же не делает таких очень коротких остановок – значит, у них в планах была очень быстрая и непродолжительная остановка, чтобы подобрать ту женщину и сразу двинуться дальше. Зачем? График? Нет – затем, чтобы никто успел выйти из поезда...

Подобравшись к двери вагона, которую даже в спешке забыл закрыть проводник, было видно, что поезд ещё не успел набрать высокую скорость.

Надо было прыгать.

Бросив чемодан на землю, – благо там не было ничего хрупкого, – и ревностно прижав к себе стопку книг, я, недолго думая, решился на прыжок – или сейчас или никогда!

Сделав несколько шагов назад и разбежавшись, я сиганул что есть силы в распахнутые двери вагона, ощутив на себе непродолжительное время свободного полёта. Приземление было терпимым – земля хоть и покрыта обильной травой, камни всё же присутствовали. Пусть я и приземлился не очень удачно – не смог удержать равновесие и упал, ударившись левым боком о камень, самое главное здесь, что книги не пострадали. Эти книги – они мне, в принципе, без-

различны, но там была одна, к которой у меня было особое отношение. И самое главное – она никак не пострадала.

Когда я отряхнулся, меня ждала досада – пальто слегка порвалось. На левом боку рыхлый камень проделал небольшую дырку, нарушив структуру волокон ткани. Ладно, это мало заметно и не особо критично – в свободное время схожу к портному. Боль, конечно, была не сильной – ничего не пострадало. Но было, конечно, неприятно. Не каждый день прыгаешь с поезда на ходу на землю с камнями. Пройдя несколько шагов, я подобрал свой чемодан, – ему повезло больше, – он попал прямо на чистую травку.

Значит, Джон О`Гроатс. Маленький прибрежный рыболовецкий городок на самом севере Шотландии. Городок, это я, конечно, любя – издалека весь населенный пункт хорошо покрывался и просматривался одним взглядом. По факту, это можно было бы назвать небольшой деревней. Но в городских документах он фигурировал как город, поэтому будем чтить букву закона.

Двигаясь к цели, мы очень редко задумываемся о том, а что же будет, когда мы достигнем данной цели? У каждого из нас во время движения может возникать множество вопросов. Различных уточнений и недопониманий. Но мы очень редко задумываемся, о том, что будет, когда мы придём к цели. Моя дорога скоро будет завершена – Оркнеи ждали меня. Но сначала – Джон О`Гроатс.

Джон О`Гроатс – мелкий таинственный городок

**на краю земли, таящий в себе сокровенное множество
страшных тайн...**

Глава VIII: Джон О`Гроатс

На Земле существует множество городов – как и очень популярных и массовых, вроде Лондона или Парижа, так и мест, не столь приятных первому встречному, находящиеся на краю Земли – как и в фигуральном, так и в буквальном смысле. Джон О`Гроатс можно по праву назвать одним из таких городков. Сюда не часто заходят туристы, и уж точно – по делу здесь появляются гораздо реже. Даже я со своей манией странствий никогда не слышал о таком городке на задворках Шотландии. И вряд ли бы когда услышал, если бы не эта история с храмом. История же самого этого городка ничем не примечательна, за исключением, пожалуй, двух деталей. Первая – городок расположен практически вплотную к Оркнеям, где его отделяет от самого ближнего оркнейского острова что-то около шести миль Северного моря. Действительно, это самый близкий город, от которого можно доплыть до Островов. Да и то, что он является рыболовным – это большой плюс в плане того, что однозначно можно будет найти лодку, а может даже и спутника, держащего путь на Оркнейи – торговлю и деловые связи, пусть даже и в таком маленьком городке никто не отменял.

Вторая же особенность городка плавно вытекала из первой и была связана с его названием – город был назван в честь голландца Яна де Грота, который построил па-

ром между этим городом и одним из островов, разрешение на строительство которого дал сам Джеймс IV, король Шотландии. По прибытию в сам город обязательно надо узнать, быть может, получится воспользоваться этим самым паромом.

Насчёт названия города ходит множество интересных историй. Одна из них (местное поверье) гласит, что часть названия «ОГроатс» происходит от названия английской монеты «Гроут», стоимостью в четыре пенса, которая взималась как плата за путешествие через данный паром. Есть и другая версия, что с нидерландского языка «de grote» переводится как «Величественный», «Большой». С нидерландским я не знаком, но благо знаю несколько слов, вроде этого. Но, глядя на городок сейчас, только лишь с огромным трудом можно сказать, что когда-то он был большим, величественным и могущественным...

История. Она всегда интересна. Что как развивалось и как становилось. Мне нравилось читать про различные города, про их историю и быт. Но не про быт людской, суетливый, но про быт городской, стилистический. Как что устроено, какая архитектура используется. Перед тем как планировать своё путешествие, ещё тогда, когда неожиданным образом у меня на рабочем столе оказалась оркнейская газета (которая, кстати, издаётся довольно ограниченным тиражом и предназначена для жителей оркнейских островов), я уже задумался о предстоящем визите. Визите, таящем в себе

множество открытий и разочарований...

В этом городке, как и на бумаге, так и воочию своими глазами я мало чего видел уникального – издалека виднелась небольшая пристань, иногда задеваемая беспокойными бурными морскими волнами, а также небольшое множество домиков, где, судя по всему, и жили сами рыболовы. Никакой выдающейся архитектуры я здесь не увидел. И, несмотря на то, что городок был маленьким, а на улице всюду играло солнце, пусть даже и при умеренном тумане, я чувствовал что-то тёмное и мрачное в этом городе. Может быть, сказывается обстановка – городок находится неизвестно где, да и вообще странно, что сюда проложили железную дорогу. Конечно, если выражаться технически, то она не доходит до этого городка, а сама станция находится нескольких миль от него. То ли, чтобы не смущать тех, кто будет проезжать здесь, то ли, чтобы что-то скрыть от глаз людских.

Пока я шёл, я думал об этом городе. Что мне предстоит узнать здесь, к чему подготовиться, с кем поговорить. Это успокаивало меня и настраивало на конструктивный ход мыслей. Но, что довольно интересно, мой разум, и без того пострадавший за последнюю ночь, наполнился интересными догадками касательно проводника. Это явно была не ошибка и не случайность. Это – явная закономерность.

Знал ли он меня? Зачем не особо известного журналиста, которого он, скорее всего, видит в первый раз, да и то, не зная, что он журналист, не пускать в мелкий, Богом забы-

тый городок? Связано ли это как-то с моей находкой? А точнее – с находкой профессора. Но ведь он не видел книгу – даже в стопке она была аккуратно уложена и никак не выделялась на фоне других книг. Значит, кто-то знал об этом. Знал, какая цель моего визита. И если даже тот профессор умудрился за мною проследить, то неизвестно, кто ещё следил за мной. И какие цели были у тех, кто это делал. Мелочи и случайности начинали постепенно потихоньку образовывать замкнутую картинку, некий пазл, пускай ещё и на довольно ранней стадии.

Когда мы собираем пазл, мы вначале пытаемся сделать границу окружности – так будет легче его собирать, да и более-менее будет видна грань, понятна задумка создателя. Как он хочет, чтобы мы собрали. Да и нам ориентироваться легче – мы потихоньку начинаем видеть само изображение. И уже начинаем отличать, что относится к этому пазлу, а что – лишнее и искусственно наносное. Начинаем фильтровать и тщательно отбирать, чтобы создать целостную картинку. Но, порою и это сделать довольно сложно – достаточно потерять или упустить из виду хотя бы один кусочек – и считай всё, вся работа прошло напрасно. Поэтому нужно быть очень внимательными и осмотрительными. Скажу даже больше – скрупулёзными и в чём-то даже придирчивыми (разумеется, в хорошем смысле этого слова).

Я постепенно приближался к городку. Вблизи он не казался таким маленьким как издалика. Постепенно открывались

и новые пейзажи, невидные из-за лачуг рыбаков – это вполне естественно, особенно учитывая местами неровную и холмистую здешнюю местность. Оказывается, в городе есть и церковь – высокое белое здание, возвышающееся в центре города. Ну да, всё сходится – по некоторым определениям, статус города не могут присвоить без церкви. Странное, но довольно интересное правило. Но не везде оно закреплено законодательно – в разных странах по-разному относятся к этому положению. Неподадалёку от церкви располагалось выделяющееся на фоне других низкое прямоугольное здание в георгианском стиле. Скорее всего, это была местная ратуша. Довольно древнее здание, стоит отметить – я бы даже сказал, что оно старше той церкви, а ведь раньше их строили практически сразу в любом городе – надо же как-то защищать город от нечестивых сил, да и горожанам искать поддержку свыше. Хотя, глядя издали, не создавалось особого впечатления религиозного городка; по моим ощущениям, церковь здесь стояла больше формально и номинально, нежели чем по реальным нуждам жителей. Но, опять же, это лишь мои предположения, а может кто-то и скажет, что даже домыслы. Но я видел это так. Никак иначе.

Я практически вплотную приблизился к городу – уже вышел на аккуратно протоптанную дорожку, ведущую ко входу в город. Как ни странно, на улицах никого не было – обычно такое время суток прекрасно подходит для утренней рыбалки, особенно если основной промысел этого город-

ка таковой. Не думаю, что все спят – скорее, уплыли в рыболовный рейд, охотиться за рыбными богатствами, словно корсары на суда, плавающие под враждебным государству флагом. А как ещё можно описать рыбную ловлю здесь? Не будь тут рыбного промысла, городок явно бы загнулся. Ведь за счёт чего ему тогда существовать? Местную землю особо и не распашешь, хотя при желании можно осуществить и далеко и не такие проекты. Но кому нужны окраины Шотландии, если есть цельные и сочные, лакомые куски земли в центре Англии, и даже Шотландии? Там то – урожай действительно огромный! А тут, максимум, как я думаю, можно вырастить лишь несколько зерновых, да и то, на корм местному люду и скоту. Особо этим здесь и не заработаешь.

Сам того не заметив, будучи погружённым в размышления о городе, я оказался в нём, перешагнув невидимую границу, отделяющую городок от пустоты. На улицах не было никого. Я оказался один посреди города.

Куда идти, куда отправиться? Вопрос, конечно, интересный. Бредя по городку, я рассматривал его домики – практически все они были деревянными – в них, как я понял, жили обычные, не особо зажиточные горожане. Изредка встречались белые каменные дома, большинство из которых заросло зеленью, чем-то близко похожей даже на... тину. Такие дома были условно белыми, по факту же – тёмно-серыми, что говорило об их возрасте. Здесь явно жили люди побогаче, и судя по всему – живущие здесь не одно поколение. Це-

лые семейные династии. Мало кто захочет тащиться на край Шотландии, покупать или строить здесь каменный домик. Джентльмены предпочтут место покомфортней и поуютнее, где-нибудь неподалеку от некрупных городков. Конечно, Вы спросите – а это что, разве это крупный город? Нет, он очень мелкий – население, я полагаю, около трёхсот человек, не более. Беглым взглядом я даже дал бы ему не больше сотни. Я же говорю про городки с населением в несколько тысяч – не более пятнадцати. Такие идеально подходят для достойного джентльмена, желающего осесть в новом месте, познакомиться с новым обществом, где его таланты и способности оценят по нраву. Где можно собраться с другими, тоже знатными мужчинами, обсудить последние новости, пропустить в свободное время по стаканчику хорошего виски, сыграть партию в гольф, или даже в поло – ведь, чего ещё желать истинному джентльмену?

Что также привлекло моё внимание так это то, что зданий с вывесками было очень мало. Бизнес здесь, пожалуй, не особо распространён. Это и понятно – много денег в таком заброшенном всеми месте и не заработаешь, а местные зажиточные люди явно давным-давно между собой распределили все сферы влияния. Так происходит везде. И это естественно. Тем не менее, проходя по одной из улочек, я увидел на одном не особо выделяющемся деревянном здании вывеску столовой. Да, покрепиться бы не помешало, учитывая какую дорогу я проделал. Да и наверняка многие из местных

жителей, так или иначе, кушают здесь – можно будет разузнать, что в городе и как, выяснить, как попасть на Острова. Эта информация явно лишней не будет. Надо уметь совмещать приятное с полезным.

Заведение, как ни странно, было открыто. В такую рань! Повезло – ничего не скажешь. Открыв изношенную деревянную дверь, я оказался в небольшом, квадратном помещении, отдалённо напоминающем столовую. Столов здесь явно было не много – не более десятка. Банкет здесь не устроишь. Да и нужно ли это? Не тот масштаб городка, так сказать.

Мужчина, лет сорока, скорее всего – владелец заведения, усердно протирает один из столиков. Он явно не был готов к такому раннему визиту. Судя по всему, он меня даже и не заметил, продолжая натирать до блеска деревянную поверхность стола, хотя входная дверь была довольно массивной, и даже, несмотря на мою аккуратность при входе, она издала довольно ощутимый скрежет.

– Доброго утра! – Приветственным тоном произнёс я, обращаясь к нему. – Вы открыты?

– О, да, конечно! – Резко повернувшись, удивлённо произнёс владелец столовой. – Чем могу служить?

– Мне бы позавтракать. – Заключил я.

– Разумеется, что будете? – С энтузиазмом и некоторой открытостью поинтересовался владелец.

– А что у вас есть? – Поинтересовался я.

– Секунду, сейчас принесу меню. – Сказал владелец заве-

дения и удалился в заднюю часть столовой, судя по всему – на кухню.

Я пока подошёл к прилавку и, ожидая владельца, начал осматриваться вокруг. Довольно уютненько, ничего не скажешь – столовая была выполнена в рыболовно-морском стиле. Повсюду были расставлены якоря и рыболовецкие сети. Сами же столы были выполнены в форме штурвала – очень уютное заведение, ничего не скажешь! На стенах висели портреты рыбаков и суден, а также довольно экзотические крупные экземпляры пойманных рыб. Что довольно интересно так это то, что на одном из портретов был изображён сам владелец столовой, стоящий на судне, с пойманной огромной рыбой в руках. Ниже была надпись: «Гойрг и его добыча». Хорошая добыча, стоит сказать – поймать такую рыбу редкость даже для знатного рыболова. Спустя несколько минут быстрым шагом возвратился владелец столовой.

– Вот, держите – еле нашёл его, – немножко запыхиваясь, он протянул мне меню, – Вы ведь не из здешних краев, так ведь? – спросил он меня с ноткой любопытства.

– Да, Вы правы, – ответил я, беря в руки меню, – а как Вы догадались? – аккуратно поинтересовался я.

– Хех – жители часто навешают старину Гойрга позавтракать или пообедать – меню все уже знают наизусть, – засмеявшись, ответил Гойрг, – я еле его нашёл – давненько в него никто не заглядывал. – С определённой долей иронии продолжил Гойрг.

Меню было покрыто тонким слоем пыли, что подтверждало его слова. Представившись, я рассказал ему про свою работу и чем занимаюсь. Про «римские» развалины я не стал ничего упоминать, ограничившись лишь своей журналистской деятельностью. Гойрг приятно удивился и пожал мне руку.

– Интересный гость, интересный! – С искренней добродушностью и улыбкой на лице, плавно переходящей в характерный смех, продолжил Гойрг. – Нередко к нам такие гости заглядывают.

– Да вот, по работе пришлось заглянуть. – Ответил я.

– Надеюсь это не из-за того, что старина Пэдрэйг вчера заблевал вон тот столик после того как изрядно перебрал? – Гойрг захохотал во весь голос, показывая пальцем на столик позади меня. Сразу было видно, что у человека есть чувство юмора, пусть и весьма своеобразное.

– Нет, не поэтому. – С лёгкой улыбкой, отшутившись, ответил я. Надо же поддерживать разговор на дипломатическом уровне.

Изучая меню, я заметил, что практически все блюда – рыбные.

– А кроме рыбы у Вас ничего нет? – поинтересовался я.

– Нет. Джон О`Гроатс – город рыболовов, здесь все только что и делают, так это жадно ловят рыбу, – ответил он с некоторой долей удивления, – здесь всё держится на рыбной ловле.

– Что же, давайте тогда вот этот суп, – сказал я, пальцем показывая на рыбный суп с картофелем, – а также форель с рисом.

– А пить что будете? Может, «буревестник» старины Гойрга? – шутливо продолжил Гойрг, показывая пальцем на крепкий алкогольный фирменный напиток.

– Ну не с утра же! Впереди ещё тяжёлый день. – Отшутился я. – стакан свежего кофе, без сахара, пожалуйста, – дипломатично ответил я.

– Ну, свежее или не свежее я обещать не могу – давно нам зёрнышек из Эфиопии не подбрасывали, – со смехом произнёс старина Гойрг, говоря то ли в шутку, то ли всерьёз.

Весёлый мужик, что сказать. Колоритный персонаж, однако. Явно выделяется своей искренностью и откровенностью. Юмор тоже на уровне, хотя его качество порою оставляет желать лучшего. Но он явно способен вызвать улыбку у уставшего моряка после тяжёлого рыболовного рейда. Тут главное даже не юмор и приветливость, а искренняя доброта и честность. Редкие качества сейчас, однако.

Гойрг отправился в заднюю часть столовой, оставив меня наедине с моими мыслями. Что же, довольно интересно – даже улыбка на лице появилось. А это после тех мыслей большой прогресс, я полагаю. Везде есть свой особый колорит. Конечно же, это не образ шотландца – ни в коем случае нет. Как истинного шотландца, Гойрга выделяют дружелюбность и приветливость, я бы даже сказал, открытость. Ну а осталь-

ное – может, конечно, специфика работы. Но чтобы держать в хорошем настроении обычных уставших рыбаков, пожалуй, это самое то. Не удивлюсь, если по вечерам в выходные дни его столовая собирает всех и вся, ведь десять столов – это, получается, человек сорок. А при желании можно уместиться и большей компанией. Да и заведение столовой, судя по всему, являлось только по названию – «В „столовой“ „у старого пирата“». Странное название. Скорее всего, очередной не очень удачный юмор старины Гойрга.

– Всё, заказ готовится, – второпях появляясь со стороны кухни, ко мне подлетел Гойрг, – присаживайтесь, вот хороший и чистый столик.

Подойдя к столу я уселся за него, Гойрг же сел напротив.

– Пока готовится, интересно было бы пообщаться, – начал Гойрг, – может, есть какие вопросы по городу?

– Мой путь лежит на Оркнейские острова, – неторопливо я начал свой рассказ, – я слышал, здесь есть паром, через который можно добраться туда. Он работает?

– Не получится, – с некоторой долей печали произнёс Гойрг. Его лицо побледнело, взгляд стал немного боязненным и пугливым. Словно передо мной сидел уже совершенно другой человек, с другим эмоциональным фоном.

– Как так? – удивлённо спросил я.

– Был шторм, – начал холодным и равномерным голосом свой рассказ Гойрг, – наш городок пусть и прибрежный, и штормы здесь бывают довольно часто, но это был

особый шторм, невиданной ранее никому из местных силы. Казалось, словно сами черти из подводного ада лезли наружу. Много наших парней полегло. В это время несколько новичков-смельчаков-дурачков, буквально на днях приехали к нам «рыбачить», – Гройг показал пальцами кавычки, – отправились на своих дорогих суднах в море. Никто не вернулся. И обычные моряки тоже пострадали – даже мощные суда, пришвартованные к пристани – все были разбиты и повреждены. Только единицы не пострадали, словно их велел не трогать сам морской Сатана. Паром тоже разнесло вдребезги. Там тогда был мой брат, Леод – он уже не вернулся... – на печальной ноте закончил Гойрг.

– Мои соболезнования, – искренне произнёс я.

– Я уже привык, – продолжил тем же тоскливым голосом Гойрг, – столько дней прошло, но всё никак не могу понять, почему он отправился в путь именно тогда. Он занимался каким-то расследованием или чем-то вроде того. Бросил всё, словно безумец, и отправился в эту ночь на острова, одному чёрту известно зачем. В итоге, его тело не нашли. Похоже, его уже и не найти.

В голове у меня появились некоторые мысли насчёт этого. Не связано ли это как-то с теми развалинами? Но их же буквально только что обнаружили, разве он мог о них знать? Или же он знал о них ещё до обнаружения?

– А Леод, в каком доме он жил? – поспешно и может не очень тактично спросил я.

– Он продал свой дом давным-давно. Жил на своём судне, часто плавал на нём, будто искал что-то. Оно пропало в ту странную ночь, – ответил Гойрг, – что за расследование и что за дело я знать не знаю. Он стал параноиком, словно свихнулся, – продолжал Гойрг, – никому ничего не говорил, постоянно шифровался, подбирал каждое слово, не пускал на судно никого, даже меня, родного брата!

– То есть больше про это историю ничего сказать не можете? – Спросил я.

– Нет, это всё, что я знаю, – ответил Гойрг, – мне не очень приятно говорить на эту тему...

– А Леод, чем он занимался? – Продолжал я бестактно пользоваться чрезмерной открытостью Гойрга, чтобы собрать нужную информацию.

– Мореплаватель. Ходил в далёкие странствия с торговыми судами. Больше я ничего не могу сказать. – Завершил Гойрг.

– Значит, паромом мне не удастся воспользоваться. А как насчёт местных судов и рыбаков, может, кто сам плывет на Оркней сегодня, или может сдать судно в аренду? – поинтересовался я.

– Никто сегодня не выйдет в море, – с новой волной энтузиазма начал Гойрг, – поговаривают о неких проклятиях и морских монстрах. Народ суеверный, знаете ли. Хотя не скрою, я и сам не полез бы в такую пучину, ведь чем чёрт не шутит.

Неизвестность и незнание. Открытость и последствия. Когда мы не знаем человека, мы подходим к нему со всей душой и открытостью, но стоит нам чуть-чуть узнать про него так всё, жалеем о сказанном; но то, что сделано – уже не отменить, а слово не воробей – вылетело, не поймаешь. Было видно, что Гойрг менялся на глазах. От радушия и гостеприимства передо мной предстал совершенно другой мрачный образ. Он явно не знал, кто я такой – может, принял за местного чиновника, приехавшего осуществлять ревизию – тут-то и понятен такой радужный настрой вначале беседы. А кто ещё в таком, мягко говоря, не сельском костюме, да ещё и с чемоданом явится в такое забытое Богом место? Слишком я активно начал интересоваться – надо быть поосторожнее со своими словами. Ведь неудачно подобранные и произнесённые слова способны полностью настроить против нас собеседника...

– На Вашем месте я бы заглянул в ратушу, – неожиданно проронил Гойрг, – там околачивался какой-то чудик, тоже расспрашивал что-то про оркнейские острова буквально пару дней назад. Он наверняка ещё в городе.

– Спасибо за совет, так и сделаю. – Не ожидая такой информации, чуть ли не на автомате проронил я.

Гойрг удалился на кухню и буквально через пару минут вернулся с едой.

– Приятного аппетита! – сказал Гойрг.

– Спасибо! – ответил я.

Гойрг удалился на кухню и долго оттуда не появлялся. Я же в свою очередь кушал и размышлял над новой порцией информации. Значит, есть Гойрг, – давайте называть вещи своими именами, – не очень смыслённый, но искренний человек. В чем-то – даже наивный, раз делится такой личной информацией с первым встречным. Странно, как ему вообще удаётся в таком городе содержать столовую. И тут он выкладывает первому встречному такую информацию. Так сказать, самая настоящая находка для шпиона. Можно конечно это объяснить тем, что гости здесь бывают весьма редко, если вообще бывают – хотя, судя по информации про «чудика» – бывают. Опять же, шотландское дружелюбие, может, сказался ещё и его возраст. Хотя картинка с возрастом ничего не значит – я уже убедился в этом, глядя на проводника. Но, буду рад тому, что он попался мне, и я узнал эту весьма важную информацию. Его брат по сути – один из самых близких ему людей. И он совершенно о нём ничего не знает. Тот ему ничего не рассказывает, на корабль к себе не пускает, да и от греха подальше вообще свой старый дом продал – жил на своём судне. Пожалуй, быть может, он правильно сделал – зная болтливость Гойрга, в его-то деле явно нужна полная неизвестность и анонимность. Так что осуждать его здесь явно было бы глупо.

Что же дальше? У него есть судно, он занимается странными морскими поисками, в то время как сам – опытный мореплаватель, который ходил не по одному морю. И тут решает

в такой дикий шторм плыть неизвестно куда на острова один, да и не на своём судне, а на хлипком пароме. И, разумеется, пропадает. Почему же он пошёл не на судне? И сразу же, более интересный вопрос – почему тогда судно пропало? Грабители, мародёры? Да кто бы рискнул в такой шторм уводить судно? Даже если он, будучи опытным капитаном, не стал этого делать. Да и не думаю, что в таком маленькой городке потерпели бы, по сути дела – самых что ни на есть настоящих пиратов. Ведь угнать судно в таком маленьком городке и спрятать его – это практически невозможно. А что судно не сохранилось – весьма жаль. Если его осмотреть, мне кажется, можно было бы многое узнать о его поисках и странствиях, которые, в чём я более чем на половину уверен, имеют общие корни с моим делом. Да, жалко, что нельзя обыскать его...

– Обыскать! Точно! – Воскликнул я про себя.

Вот почему у меня в купе была едва приоткрыта дверь! У меня что-то искали! Кто искал и что искал я, кажется, догадываюсь. Благо, что книга была под кроватью, и достать её не потревожив меня, было невозможно. Ну а кто – тоже очевидно. Кто имеет ключи ко всем дверям? Кто может спокойно ходить по поезду в рамках своей работы и не привлекать внимания? Ответ очевиден – проводник. Особенно в контексте его действий по недопущению меня в город. Теперь всё сходится – он искал мою книгу. И для того чтобы я не попал на острова, как минимум в это время, и решил задер-

жать моё появление. Очень оперативная и профессиональная работа – надо отдать ему должное. Но всё-таки, некоторых деталей он не учёл. Хотя больше случайностей, нежели чем деталей – я бы вообще мог эту книгу всерьёз не воспринять и оставить лежать с остальным литературным хламом – да простят меня те, кто занимается тяжёлым литературным трудом. Я мог бы и не проснуться тогда и благополучно проехать остановку. А в инструктаже он отчётливо дал понять, что я могу расслабиться, что он придёт, что всё будет хорошо. Да уж – он и пришёл. И всё было хорошо. По крайней мере – пока. Но понятное дело, не потому, что он пришёл, но только лишь потому, что так сложились обстоятельства. Случайности – вещи довольно интересные. Они способны погубить всё, но в тоже время и спасти что угодно. И с каким знаком они будут в той или иной ситуации – решать не нам. Мы лишь наблюдаем и пожинаем их плоды.

Еда была не очень вкусной – было стойкое ощущение, что рыба была не первой свежести, а картошка – проросшей и старой. Есть, конечно, можно, да и в пище я не привередлив, но это всё очень сильно выделялось на фоне моего предыдущего городишки, что также отражало мне особенности этого рыбацкого городка.

Прикончив суп и рыбу с гарниром, я перешёл к чашечке кофе – самое то, чтобы взбодриться и настроиться на последующую работу. Да и тут старина Гойрг не обманул – зёрна практически потеряли свой вкус, явно пролежав слишком

долго, а весь аромат давно выветрился. Но было то, что было. Это и так понятно – большинство местных жителей, как я полагаю, предпочтут ядрёного «буревестника» – странной смеси сивухи Гойрга.

Потягивая не очень ароматную смесь чёрной консистенции, которая представляла собой что-то вроде бывших зёрен кофе, а также перегретого кипятка, я пытался сконцентрироваться на дальнейших планах и размышлениях. Это было довольно сложно сделать – странный вкус и непонятный аромат отвлекали всё внимание на себя.

Значит, надо отправиться в ратушу – надеюсь, она уже открыта, и там разузнать про приезжего «чудика». Да может, что интересное расскажут и про этого Леода. Ведь где должны быть в курсе всех новостей и событий, как не в местной пивнушке, либо в местной ратуше. В первой подадут информацию, так сказать, для контингента попроще, во второй – посерьёзнее и посолиднее. Но искренность здесь также может варьироваться – если местный пьянчуга тебе всю душу изольёт за стаканчиком хорошего эля, то чиновники будут поаккуратнее и поосторожнее в своих словах, чтобы не взболтнуть лишнего. Что же, первый взгляд я увидел, надо было идти и узнавать, так сказать, второй взгляд. Вторую, совершенно иную позицию.

Кофе я так и не смог допить – слишком уж безвкусное оно оказалось. Явно оно здесь было не в почёте. Подойдя к Гойргу, я дал ему несколько шиллингов – и ещё один, в ка-

честве чаевых, хоть едой он его явно не заслужил. В любом случае, всегда нужно оставлять положительное мнение – репутация вещь довольно важная. Особенно, в моей работе. И неизвестно, когда мне ещё предстоит связаться с ним, чтобы узнать другие подробности.

Вне себя от радости Гойрг, чуть ли не расплываясь в комплиментах, начал меня осыпать благородными эпитетами.

– Гойрг, спокойнее – это просто знак вежливости, – начал утихомиривать его я, – если я вернусь к Вам позже, Вы мне поможете?

– Да, конечно, мой щедрый друг – всё, чем смогу помочь, обязательно помогу. – Убедительным тоном с нотками радости, словно маленький ребёнок получивший конфетку, заключил Гойрг.

Да, явно ему чаевые никто не оставлял. Хотел бы я посмотреть на того, кто бы рискнул сделать это. Да и зачем они здесь, в таком городке – от кого? С экономикой здесь, конечно же, настоящая беда.

На карманных часах было около семи часов утра. Выйдя из «столовой», я направился к ратуше. Что довольно интересно, так это то, что погода по-прежнему сохраняла свою стойкую солнечность, но при этом – и характерную туманность. Неужели нас сегодня ждёт спокойный солнечный день, без ливня, грозы и молний?

Идя по дороге к ратуше, я не встретил ни одной живой души. Город словно вымер. Что самое интересное – в море

никто сейчас не плавает. Где же все? Сидят по домам и спят? Возможно, ведь можно использовать подвернувшийся момент для отдыха и набраться сил перед тем, как всё уляжется. Но что за поверья то такие? Ведь эта трагедия произошла не несколько дней назад, а уже достаточно давно – прошло достаточно времени для того, чтобы всё утряслось. Почему все сидят и просто ждут? И самое главное – а чего ждать то?

Главный недостаток всех суеверий – стабильность наступления. Можно прождать достаточно долго, будучи заложником своих ложных убеждений и предрассудков, полностью отказавшись от каких либо изменений или действий. Особенно, подначивая себя такими вопросами, как: «Зачем, я же настрою всё это против себя?», «А оно мне надо? Мне и так хорошо», «Ну это же не правильно, так ведь?», и многими другими отговорками. В итоге, человек всю свою жизнь верит в ложь, и эта ложь делает его достаточно статичным, что обрекает его на стагнацию. Ведь развитие – это динамика, но никак не статика. Только в движении мы развиваемся. Стоя же на месте – деградируем. Человек сам себе копает могилу. А точнее, сам и становится могилой, ведь могила означает полную неподвижность и статику.

Проходя около церкви, я увидел первого живого человека на улице этого странного городка. Он был похож на пресвитерианского священника. Почему похож? Он подавал довольно странные внешним признакам поведения, не вызывая доверия с точки зрения того, что он является вер-

ным и преданным своему делу священником. Нехарактерные и несколько дёрганные движения, странная походка и выражение лица. Когда я только свернул на следующую улицу, где собственно и находилась сама церковь, он резко выпрямился и начал молиться. Словно делая это показушно, только завидев меня. Ладно, Бог ему судья, как говорится. Может мне, конечно, показалось, но да ладно, это всё-таки его дело.

– Здравствуй, сын мой. – Произнёс священник уставшим, словно отчаявшимся голосом.

– Доброго утра, отец. – Сказал я, как бы подыгрывая ему, решив посмотреть, что будет.

– Ещё один день без рыбного промысла... – начал он свой рассказ с некоторой тонкой настороженности, будто бы проверяя меня, – рыбаки гnevаются и одновременно боятся морских чудовищ. Поговаривают, будто бы они виноваты во всех этих бедах.

Священник окинул меня своим скептическим и пронзающим взглядом, и уточняющим тоном заключил:

– Но ты не похож на рыбака, так ведь?

– Нет, я не рыбак – ответил я.

– Странно, – дёрнув от удивления бровью, словно что-то подметив для себя, заключил священник, – в последнее время в церковь днём и ночью толпой прут моряки – у страха глаза велики, сын мой. Приходят даже те, кого вера никогда не интересовала, даже не зная элементарных основ веры,

но идут – идут за защитой. Ты тоже пришёл сюда, чтобы попросить господу нашего о защите?

Судя по всему он подумал, что я иду именно в церковь. Ну да, такое можно было предположить, так как поворот улицы выводит прямо на церковь, к её главным воротам. Такая картина повторялась не только с этой улицей – структура многих других, соседних улиц была схожа, и они, словно несколько аорт у основания сердца, сливались воедино, выходя прямо к дверям церкви. Довольно интересный и своеобразный дизайн города – если все дороги ведут в Рим, то здесь все дороги ведут напрямиком к старинной церкви.

Священник был довольно старый, а его руки дрожали. Его покрытое морщинами лицо и весьма специфичный двуликий взгляд, как ни странно, внушали не только настороженность, но и некое сложно объяснимое, возможно, мнимое доверие к нему. Может мне показалось просто, что он специально принял такую странную молитвенную позу? Или от страха он просто дёрнулся, когда увидел меня выходящего на церковную улицу в такую безлюдную рань?

– Нет, я не пресвитерианец. – Констатировал я.

– Что же, весьма досадно это слышать, – растерянно произнёс священник, словно моя фраза застала его врасплох, но спустя секунду он сосредоточился и продолжил свою речь с характерным хитрым тоном – ты не из этих краев, так ведь?

– Всё верно. – Подтвердил я. – Я здесь по делам.

– По каким же? Расскажи, мне интересно. – С заинтересова-

ванным взглядом начал допрос священник, стараясь не вызывать лишнего подозрения. – В городе всех только и волнует, что рыба. Хочется на старости лет узнать что-нибудь новенькое.

– Я журналист. Мне надо на Оркней по работе. – Поддавшись на его искренность и специфичный взгляд, несколько проговорившись, прямо сказал я, при этом, не планируя особо распространяться о целях.

– На острова, боюсь, ты не сможешь попасть сейчас, – с досадой заключил священник, – из-за всей этой истории рыбки все не свои. Обычно тех, кому надо туда, переправляли паромом, но и тот во время дьявольского шторма разлетелся на щепки. А сейчас ни один, даже совсем обезумевший рыбак не полезет туда.

– Но на улице же просто прекрасная погода, за исключением разве что небольшого тумана. – Недоумённо констатировал я.

– Они сильно напуганы, – чуть ли не шёпотом произнёс священник, – они боятся. Сидят по домам и ждут, когда придёт их час.

Было в этом разговоре что-то явно нечистое, но в то же время поначалу сложно заметное. Церковь – настоящий источник контроля над людьми и их поведением. И если местные жители, так часто посещая её, не успокаиваются, а наоборот, тревожатся, это наводит на некоторые довольно странные и интересные мысли. Не специально ли их держат

в искусственно созданном страхе?

– И когда же он придёт? – Спросил я удивлённым голосом.

– Этого не знает никто. Сам понимаешь – людям нужно время, чтобы успокоиться и придти в себя... – Заключил священник размашистым тембром голоса, выдержав интригующую паузу в конце фразы.

Далее я попытался завязать разговор с ним – может, он сможет пролить свет на ту нечистую тьму, что творится здесь.

– Вы не знаете ничего о некоем Леоде, брате Гойрга? – В надежде услышать хоть что-то про него, спросил я.

– Леод? – Переспросил священник, будто бы хотел удостовериться в том, то ли имя он услышал или нет. – Да, я знаю Леода. Точнее говоря, знал. Странный человек был. Хотя, по воле Господа нашего, мы все с определёнными странностями, но он был... особенным в этом плане, – начал он свой рассказ, – Гойрг, его младший брат, до сих пор очень сильно переживает о случившемся, хоть и старается этого всячески не показывать. Раньше с Леодом они были не разлей вода. Гойрг всегда своим специфическим юмором поддерживать его, вызывая редкую, но ценную улыбку на его лице, в то время как Леод пытался образумить его от некоторых глупостей, вроде так называемой «столовой», – усмехнулся священник с едва заметной едкой ноткой, – но и тут, как знать – местные рыбаки просто в восторге от его заведения – всё-таки близка им та атмосфера по духу. Тут-то он и попал в точ-

ку, выбрав такой формат своего заведения. Какое-то время назад Леод начал вести себя довольно странно. Замкнулся в себе – ни с кем почти не общался, кроме редких фамильярных приветствий и формальных рукопожатий. Он не поддерживал связь ни с кем – даже со своим братом Гойргом он практически перестал видеться. Был у него хороший домик, вон там, – священник показал рукой на белый каменный дом на небольшой возвышенности вдалеке, почти не заросший местной ядовитой растительностью, – наследство от родителей. Гойргу они решили не завещать его, думая, что он, мало ли, сдуру продаст ещё его, чтобы расширить свою «столовую». Оказалось-то не всё так просто – Леод, который всегда отличался своей разумностью и рассудительную в таких серьёзных вопросах, легкомысленно продал его, а на вырученные средства купил себе самый что ни на есть настоящий корабль. Жил там, в полном одиночестве. Иногда мог запирается на целые недели и не выходить из него. Гойрг волновался, как бы что не случилось с ним. А тот потом выходил, будто бы ничего и не бывало. Когда его пытались расспрашивать, что там происходит и чем он занимается, – даже я сам после проповедей частенько пытался расспросить его, – со слабой улыбкой, судя по всему от воспоминаний, отметил священник, – он постоянно отшучивался, всегда уходил от ответа. Позже он начал много плавать в далёкие странствия. Мог уплыть на неделю и даже на месяц. Один раз даже пропал на два или три года – сейчас точно и не упомнишь.

После того путешествия он окончательно свихнулся – ни я и ни его брат – никто не мог узнать его после этого, равно как и то, где он пропал столько времени. Плавать в одиночку, да ещё и на таком-то судне – здесь явно нужен недюжинный талант и милостыня божья. Хорошо обученная команда матросов и то не факт, что справится. Пока его не было, брат был весь на измене – уже было, чуть ли заживо не похоронил его. Но однажды ночью он вернулся – тогда был сильный шторм и его корабль заметили рыбаки. Он быстро пришвартовался к пристани, но с корабля так и не спускался. Даже брат ходил к нему, стучался в каюту, кричал и матерился, но всё бестолку – он так и не вышел. И корабль стоял целую неделю около пристани в полной тишине. Потом один прихожанин мне рассказал, мол, что видел его в ту самую пресловутую ночь, когда всё и произошло – он молча отправился на паром. Леод с моряком даже не поздоровался – просто молча прошёл мимо него, словно призрак, не видя его в упор. Это на него совсем не похоже – при общении с другими он ранее всегда здоровался и первым подавал руку, пусть даже сухо и формально. Одним словом – дружелюбный и общительный человек был до всей этой чертовщины – пусть даже и со своей сложившейся своеобразной и замкнутой манерой общения. Но что-то с ним сделало то странствие. Что-то очень страшное... – Продолжал свой рассказ священник.

Далее священник повторил всё то, что рассказывал мне Гойрг. Очень интересно это всё, но у меня всё равно было

много вопросов о произошедшем.

– Это всё, что я знаю, – сказал он мне несколько увилистым тоном, – больше ничем здесь я, к сожалению, помочь при всём своём желании не смогу.

– А про сам шторм можете мне что-нибудь рассказать? – Спросил я в надежде услышать продолжение истории, хоть и в несколько другом ключе.

– К сожалению, я ничего не видел, – немного замешкавшись, ответил священник, – я всю ночь молился в церкви и только на следующее утро узнал о случившемся.

– Ясно. Большое спасибо, отец – Вы мне очень помогли. – С улыбкой на лице сказал я ему.

– Всегда пожалуйста, сын божий, – с искренним и добрым взглядом произнёс священник, – приходи, если потребуется моя помощь – помогу всем чем смогу.

– Хорошо. – Сказал я разворачиваясь, но вспомнив одну деталь, быстро повернулся обратно. – Ах да, чуть не забыл. Хоть я и не пресвитерианец, отец, видно, что Вы – хороший человек и занимаетесь правильным делом. Пожалуйста, возьмите этот скромный дар, – я протянул ему несколько шиллингов, – надеюсь, это поможет Вашему делу.

Священник пришёл в мягкое, но судя по всему, приятное замешательство.

– С-с-сын, бо... жий... – Чуть ли не плаксивым голосом произнёс он. – В нашем городке мало кто посещает церковь по настоящей нужде. Ещё меньше – люди сами жертвуют

на наши нужды, даже если обращаешься к ним за помощью. Но ты – первый за долгое время здесь, кто добровольно помог нам так сильно. Пусть Бог защищает тебя во всех твоих делах! – Произнёс священник, просто не находя слов от такой щедрости, пытаюсь сыграть свой роль максимально открыто и честно.

– Спасибо и всего наилучшего! – Сказал я с улыбкой и развернулся, направившись далее по дороге к ратуше.

Хоть тут и происходят странные вещи, этот городок начинает мне нравиться. Хорошие здесь люди. Приветливые. Вежливые. Искренние. Может быть... Может быть, я бы даже пожил здесь некоторое время. Опять же, продолжая принцип создания репутации – очень важно в таком деле заручиться искренней поддержкой людей, поэтому пара шиллингов, при моей зарплате, не скажется негативно на моих финансах, но люди будут доверять тебе все свои тайны и секреты. Такой прием я называю «мягкой легальной взяткой», когда небольшим даром, не преследующим какой-либо цели, ты настраиваешь человека на нужный лад, делая его полностью лояльным тебе. Он всегда работает безотказно – люди готовы тебе выложить чуть ли не их интимные подробности жизни только из-за какого-то жалкого шиллинга, щедро брошенного в их карман. Оно, поверьте, стоит того. Ни один раз это спасало меня в прошлых тупиковых ситуациях, равно как и ни один раз это приносило мне сенсационную информацию, за которую я получал гораздо больше. Жадине

покажешь медный грош – и делай с ним что хочешь.

Раньше этот приём использовался по чисто практическим соображениям, но сейчас, помимо, безусловно, практической пользы, которую он в себе нёс, я испытывал странное, сложно объяснимое желание помочь этим людям. Видно, что все они сейчас не в лучшем положении. Я не прогорю от этой мелочи, но им она может помочь. И даже не сколько в плане того, что они станут богаче – нет, но зато это лишний раз покажет им то, что не все люди одинаковы, что не все всё меряют деньгами – есть и другие. Что же, довольно правильный и расчётливый шаг. И, опять же – шаг выгодный мне и моим интересам.

Свернув на следующую улицу, я снова остался наедине со своими мыслями – по-прежнему не было видно ни одной живой души. Город словно вымер. Я, конечно, не знаю, как давно произошла эта трагедия, но скорее всего, явно не на днях – может, в прошлом месяце. В пользу этого говорила не первой свежести рыба из так называемой «столовой» Гойрга. Не испорченная конечно, но и не первой свежести. Значит, в городе рыбные запасы ещё есть. Будут сидеть, наверное, пока рыба не кончится, и пока не надо будет идти в новый рейд за свежей добычей. Сомневаюсь, что кто-то в такую глушь будет завозить продовольствие – далеко от ближайших поселений и мало народу, да и городок явно не богат, чтобы позволить себе подобное. Может, как раз, в администрации меня и просветят, так сказать, с офици-

альной точки зрения, ответив на пресловутый вопрос – что здесь творится?

Пройдя ещё несколько маленьких и узких улочек, я вышел к ратуше – пожалуй, единственному зданию, которое выделяется здесь, разумеется, за исключением церкви. По стилистике она была довольно древней, чуть ли не со времён основания этого городка. Я бы даже сказал, что со времён готического стиля, как ни странно. В пользу этого говорил, как и мрачный, угрюмый вид самого здания, так и специфическая символика на нём. Буквально над дверью, в треугольной фигурной каменной резьбе, в которую, как правило, архитекторы, преимущественно масонского происхождения, любят вставлять лучезарную дельту, был изображён странный круг с кельтским квадратным крестом в центре. Очень знакомый символ... Если мне не изменяет память, он использовался ещё чуть ли не во времена до прихода бриттов. Что он здесь делает?

Может быть, он имел какой-то сакральный, неизведанный мне и публике смысл? Сомневаюсь, что в таком-то городке кто-то обращает внимание на такие мелочи. Ну, знак как знак, красивый, да и в дизайн вписывается. Ну и что с того? Даже сомневаюсь, что здесь живут явные знатоки дизайна, раз на то пошло. Хотя, эти два здания – ратуша и церковь, явно выделялись. Сомневаюсь, конечно, но надо будет сходить позже посмотреть, нет ли такого символа и на церкви. Как говорится – всё может быть...

Я не стал мешкать – сейчас не до изучения архитектурных стилей, хотя такое здание – однозначно, находка для такого захудалого места. И вот, открыв дверь и зайдя внутрь ратуши, я оказался в старинном административном здании. Обстановка была здесь довольно мрачная – плохое освещение, особая стилистика – в центре холла стоял квадратный маленький столик из тёмного дерева с трёхрожковым канделябром. Стены же были выполнены из плотного камня серого цвета, который, благодаря канделябру, приобретал тёмно-коричневый оттенок. Что довольно интересно, так это то, что тени отбрасывались на стены довольно отчётливо, и можно было уловить малейшую шороховатость и неровность формы источника тени. Будто бы всё специально рассчитано и спроектировано так, чтобы придавать теням особую мощь и величие. Пол же был покрыт мраморной мозаикой с преимущественным наличием белых и чёрных цветов, в сумме давая, преимущественно, всё тот же серый цвет. Причём, отчётливо просматривался выложенный из этой мозаики на полу чёрный квадратный крест ровно под канделябром, и если смотреть ровно сверху, создавалось впечатление, что этот свет – огонь из сердца равностороннего креста.

Не думаю, что местные жители часто посещали это место – всё выглядело таким старым и древним, но в то же время новым, непотрёпанным и неистоптанным – а ведь это холл ратуши и здесь по идее и должны обивать ноги посетители. По особой неповторимой атмосфере и стилю создава-

лось впечатление, что я стою не в ратуше, а в некоем... ордене, тайном сообществе. Этому предположению изысканную нотку придавало высказывание – «хочешь что-то спрятать – положи это на самое видное место». Какое можно найти ещё более явное и публичное, открытое и видное место, как ни ратушу города? Но много ли жителей здесь бывало? Я думаю, единицы. Да, единицы – сомневаюсь, что кто-то из рыбаков, которые составляли здесь абсолютное большинство населения, интересовался местным законотворчеством или королевской политикой. Им явно было не до этого. Своих забот хватало – пойди после тяжёлого рыболовного рейда, изучай местное законодательство. Конечно же, это ведь так интересно...

Мои размышления прервал появившийся из темноты, лик человека – уверенного и с прожжённым взглядом мужчины лет тридцати – тридцати пяти. Он был в деловом костюме, что позволило мне предположить, что он – местный чиновник.

– Приветствую Вас, благородный господин! – Произнёс громким и звонким голосом чиновник, пытаясь показать свою вежливость и приветливость, что довольно сложно коррелировалось с местной обстановкой. – По какому поводу Вы соизволили явиться в ратушу славного города Джон О'Гроатс?

– Здравствуйте, – не растерявшись, начал я аккуратную беседу с представителем местной власти, – я нахожусь в Ва-

шем городе с визитом по работе.

Глаза чиновника быстро забежали, а взгляд стал несколько настороженным, словно он несколько напрягся.

– Вы случаем не из королевской комиссии по городским управам? – Спросил уверенным и представительным голосом чиновник. При этом его голосом и выражением лица создавалось явно неприятное впечатление о том, что, возможно, будет дан положительный ответ на поставленный вопрос.

Может, мне просто показалось, а может он действительно был не то чтобы на взводе, но в определённом напряжении и волнении. Тем не менее, я решил немного поиграться, используя свой любимый приём, действующий по принципу «вначале получи нужную информацию, пользуясь неосведомлённостью собеседника и вытекающим из этого волнением, а затем, получив всё что нужно – успокой его». Заключался данный метод в том, что если человек не знает кто ты на самом деле, он может говорить тебе совершенно другое, нежели чем то, что скажет тогда, когда узнает, кто ты есть. Сплетник может протрещаться первому прохожему, но если узнает, что тот журналист, то может и ни слова не проронить. Или же, как здесь, только в другом контексте – думая, что я инспектор, тем более, из королевской комиссии, он не может позволить себе недоговорки и явную ложь, прекрасно понимая, что люди такого уровня её сразу проверят и просекут. Но врать тоже нехорошо – лучше просто недоговаривать людям правду, или же подавать её такими порциями и дозами –

такими, какими тебе самому будет выгоднее и удобней. Человеческий разум недалёк – играй с ним, как с плюшевым мячиком; делай всё, что считаешь нужным – тебя никто не остановит. Ты здесь решаешь – что, как и с кем. В этом и состоит истинное ораторское искусство, присущее, к счастью, далеко не каждому.

– Вы не представились... – Как бы намекая на то, что хочу услышать больше информации, произнёс я.

– Да, точно – простите за бестактность. Я Барабелл Тодд, помощник наместника нашего славного города, сэра Иннеса Кэйта. – Сухо и формально произнёс Барабелл, пытаюсь, с одной стороны, продемонстрировать свою компетентность и подкованность, а с другой – не вызвать лишних подозрений.

– Барабелл, а где сейчас сам Иннес? – Интересующимся тоном спросил я.

– Сэр Иннес сейчас в отъезде по делам, – аккуратно продолжал отвечать чиновник, боясь не сболтнуть лишнего, – а Вы, собственно...

– Нет, я не из королевской комиссии. – Стойким и уверенным голосом перебил его я. Надо знать, когда необходимо остановиться – иначе это может привести к печальным последствиям.

– Кхм..., что же... – Чуть ли не потерянным голосом проронил Барабелл, словно боясь, что сболтнул лишнего. – Чем я могу Вам помочь? – Одновременно и продолжая разговор

и переводя тему, заключил он.

– Я в Вашем городе проездом, – начал аккуратно я, – держу путь на Оркней – через Ваш город очень удобно добраться туда.

– Да, действительно – это так, – быстро, не растеряв уверенности, начал Барабелл, будто бы ничего до этого и не было, и весь разговор начался заново, с чистого листа, – но боюсь, вынужден Вас огорчить – сейчас это невозможно.

– Невозможно? – немного притворившись, ответил я, ожидая услышать официальную версию произошедшего.

– У нас проблема, – аккуратно и дипломатично подбирая слова, начал Барабелл, – некоторое время назад очень сильный шторм разрушил паром, который был единственной переправой на Острова. Без него, увы туда никак не добраться.

– Насколько мне известно, – аккуратно и не нравоучительным тоном, дабы не вызвать озлобления собеседника, начал я, – паром не так сложно соорудить. Это не судно построить, всё же.

– Да, это так, – немного язвя начал Барабелл, подбирая слова так, будто у него на каждый гипотетический вопрос уже есть заготовленный ответ, – но у нас сейчас экономические трудности, и без королевского финансирования что-то, пусть даже и мелкое, довольно сложно сделать... – продолжил он, чуть ли не оправдывающимся тоном, пытаюсь свалить всё на бедность и финансовую несостоятельность местного городка.

Довольно интересно – должен я заключить. Глядя на убранство ратуши, её обстановку и стилистику, которую явно невозможно создать, ограничиваясь только лишь местными ресурсами, сделать хоть какой-то, на худой конец пусть из самого дешёвого и гнилого дерева плот, особенно – в единственном на всю Империю перевале на Оркней – это уж слишком. Не клеятся эти два факта между собой. Темнит что-то он, однако. И дело, кажется, не в скупости или жадности, и даже не в коррупции – явно всё куда глубже. Услышав эти слова из его уст, сначала у меня возникла подобная мысль, что это, мол, типичная отговорка жадного или ленивого чиновника, но потом... не знаю. Создаётся впечатление, будто бы он специально пытается заставить меня думать таким образом, дабы отвлечь мой пытливый разум от истинной причины задержки строительства. Здесь явно дело не в деньгах...

– Ясно – Вам, конечно же, виднее, – ответил я, пытаюсь подыграть ему, – но ведь это рыболовной городок, так ведь? Здесь полным-полно матросов, которые на судах ходят в море для ловли рыбы. Можете мне подсказать, к кому можно обратиться, чтобы меня отвезли? – Уточнив, я на всякий случай добавил. – Деньги не проблема.

– Я был бы рад Вам помочь, но, к сожалению, и это тоже невозможно... – Явно что-то недоговаривая, туманно ответил Барабелл.

– А здесь то, что не так? – Искренне удивлённым тоном

поинтересовался я.

– Из-за плохих погодных условий сэр Иннес издал указ, временно запрещающий любой выход кораблей в море под угрозой большого штрафа и конфискации судна. – Формально, но с аккуратным и едва заметным угрожающим тоном предупредил Барабелл.

– Извините меня за мою бестактность, но Вам не кажется, что этот закон немного... – я решил ни капельки не стесняться в выражениях, – ...глупый? На улице светит солнышко, всё хорошо. Да, есть небольшая туманность, но не такая же, от которой пропадают корабли...

– Вам что-то известно об этом? – Настороженным тоном, словно жандарм на допросе, поразил меня Барабелл. Его внимательный и испепеляющий взгляд и строгие глаза в эту минуту были способны напугать любого выдавшего настоящий страх человека.

– О чём? – Уточняющим тоном спросил я, поначалу действительно не поняв, о чём шла речь.

– О пропаже кораблей. – Прямо и холодно ответил Барабелл. Явно эта тема его очень сильно волновала и не была для него чем-то праздным и формальным.

– Ну, чисто по логике, – поняв, что не надо было говорить про корабли, я начал плавно уходить от ответа, а с другой – придумывать правдоподобное и неподозрительное объяснение сказанным словам, – при сильном тумане корабль может сбиться с курса. Я, конечно не опытный мореплаватель,

но элементарной человеческой логики на понимание этого очевидного факта у меня хватает. И тут явно не такой сильный туман. – Заключение я. Надо быть поосторожнее со своим языком.

– А конкретные случаи пропажи кораблей Вам известны? – Начал допрос Барабелл, поглощая меня своим железным взглядом. – Может, знаете про какие-нибудь конкретные исчезновения? – Продолжая детально рассматривать меня с ног до головы, кончил Барабелл.

– Нет – ничего не слышал об этом. – С холодным выражением лица ответил я. – А чего Вы так интересуетесь? Были какие-то странные случаи пропажи кораблей? – Перейдя в контратаку, аккуратно поинтересовался я.

– Нет – с чего Вы взяли? – Явно что-то недоговаривая, ответил Барабелл, перекидывая эстафетную палочку отвечать на вопрос мне.

– Вы меня начинаете вдруг расспрашивать про исчезновения кораблей – значит, в этом есть какой-то смысл. – Очень умело и почти незаметно начал немного надавливать я.

– Понимаете, этот указ был подписан не просто так – мы очень сильно переживаем за состояние наших рыболовов, ведь думаю для Вас не секрет, что основной источник существования нашего города – это рыбная ловля. – Оправдываясь и уходя от ответа, заключил Барабелл.

– Но ведь если рыбный промысел – это основной источник существования города, – продолжая стоять на своём, начал

я, – не логичнее было бы разрешить ловлю, пусть и с небольшим выходом в море – не далеко, буквально в нескольких милях от берега?

– Указ не запрещает рыбакам ловить рыбу с пристани или с другой прибрежной территории. – Словно ожидая такого утверждения, ехидно ответил Барабелл, – Не беспокойтесь, сэр Иннес очень мудрый городской голова – все указы он продумывает и составляет лично.

– А что с матросами, с рыбаками что? – Решил поинтересоваться я. – Они как, хотят в море или нет?

– Морякам не терпится как можно скорее отправиться в путь, но все они – законопослушные и здравомыслящие люди. Никто не хочет потерять своё судно, – непонятно, то ли будучи действительно убеждённым в этом, то ли нет, заключил Барабелл, – будь то от столкновения со скалой или потери курса, будь то от действия юридической силы указа – причём в последнем случае, поверьте – Вы хотя бы сохраните свою жизнь.

Чем больше я с ним общался, тем всё больше я убеждался в своей правоте о неоднозначности этого городка. На первый взгляд он выглядел довольно милым и уютным, гостеприимным городком; теперь же я начинал понимать, что на самом деле всё это – умелая и искусная игра, вызванная соображениями встречи чужеземца. И только единицы – не очень далёкие люди могли здесь быть откровенными. Хотя и они, быть может, тоже могли что-то недоговаривать. Барабелл

здесь был образцом идеальности в плане олицетворения сути города – говорил только то, что было выгодно ему; не трепался и не болтал, постоянно следил за языком, стараясь не проронить лишнего. И только тогда, когда я услышал альтернативную версию насчёт рыбаков, я окончательно убедился в том, что здесь не всё так однозначно и гладко, как кажется на первый взгляд. Город словно за считанные минуты превратился из приятного и милого пристанища для путника в чуждый и холодный город со своими тайнами и скелетами в шкафах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.